

3 1761 070345707

254
T6Z5

INTERLIBRARY LOANS
CARLETON UNIVERSITY LIBRARY

FOR:

RECEIVED AT CARLETON

ILL FROM:

DATE DUE:

MATERIAL:

SIGNATURE:

RETURNED:

This material must be returned by
hand to the Interlibrary Loan Office
by the due date.

Г. А. Зивъ.

ТРОЦКІЙ

ХАРАКТЕРИСТИКА

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Книгоиздательство "Народоправство"

Нью-Йоркъ

1921

DK
254
7625

Copyright, 1921.
All rights reserved.

Право собственности закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается суще-
ствующими законами.

181923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіє	5
Первое знакомство съ Левой Брошиштейномъ	7
Первые шаги на политическомъ поприщѣ	16
Въ тюрьмѣ	25
Этапъ и ссылка	34
Заграницей	43
Въ Петербургѣ	49
Въ Домѣ Предварительного Заключения	52
Въ эмиграціи	56
Война	60
Въ Америкѣ	66
Революція въ Россіи	80
Троцкій и большевизмъ	83
Заключеніе	92

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Історія предлагемої брошури такова: во время послѣдняго пребыванія своего въ Нью-Йоркѣ Л. Г. Дейчъ нечatalъ въ єврейскомъ журналѣ "Цукуніфтъ" серію статей подъ названіемъ: "Євреи въ русской революції". Когда я встрѣтился съ нимъ въ Петроградѣ въ 1917 г., онъ сообщилъ мнѣ, что собирается присоединить къ своей серіи еще статью о Троцкомъ, и предложилъ мнѣ, — какъ лицу, хорошо знающему Троцкаго съ 1896 г., съ первыхъ шаговъ его политической дѣятельности и почти не прекращавшему связей съ нимъ въ теченіе около 20 лѣтъ, — написать для него все, что я помню о Троцкомъ изъ личныхъ соприкосновеній съ нимъ. Мои встречи съ Троцкимъ и встрѣчи Дейча съ нимъ охватываютъ разные промежутки времени, и наши воспоминанія должны были бы, такимъ образомъ, дополнять другъ друга, и вмѣстѣ покрывали бы почти весь періодъ его политической активности. Я принялъ предложеніе Дейча, уѣхалъ къ себѣ на югъ и немедленно принялся за работу, намѣреваясь черезъ короткое время выполнить обѣцаніе и послать первыя главы моихъ воспоминаній.

Но наступили октябрьскіе дни 1917 г., желѣзнодорожное движеніе прекратилось, и я обѣщанія выполнить не могъ. Работы я однако не прекратилъ.

Тѣмъ временемъ, по мѣрѣ укрѣпленія власти большевиковъ, надежда на то, что мнѣ удастся спастись съ Дейчемъ, и онъ сможетъ использовать мой матеріалъ, становилась все болѣе проблематичной, пока совсѣмъ не испарилась. Я рѣшилъ издать свои аамѣтки самостоительно. Для этого мнѣ пришлося несолько измѣнить планъ, заполнивъ неизбѣжные пробѣлы нѣкоторыми фактами, хотя достовѣрно извѣстными мнѣ, но не изъ личныхъ воспоминаній. Такимъ образомъ были написаны первыя одиннадцать главъ. Одесса, гдѣ я въ то время жилъ, скоро была захвачена большевиками, и о томъ, чтобы издать воспоминанія изъ Россіи, не могло быть и рѣчи. Рѣ-

шивъ, по возвращеніи въ Нью-Йоркъ, издать ихъ здѣсь, я прибавилъ двѣнадцатую главу, касающуюся дѣятельности Троцкаго по пріѣздѣ въ Россію въ 1917 г. Въ этой главѣ я отнюдь не претендую дать полную картину дѣятельности Троцкаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Россію и сталъ у власти (эта одна глава должна была бы составить почтенный томъ). Для этого у меня сейчасъ нѣтъ подъ рукой материала, и это совсѣмъ не входитъ въ планы предлагаемой брошюры). Цѣль этой главы лишь, при помощи нѣсколькихъ фактovъ, закончить характеристику Троцкаго.

Обо всемъ этомъ я счелъ нужнымъ заранѣе сообщить читателю, чтобы предупредить неосновательныя ожиданія и отклонить возможные упреки въ неполнотѣ.

Нью-Йоркъ, 25 апрѣля 1921 г.

Первая глава.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ЛЕВОЙ БРОНШТЕЙНОМЪ.

“Салонъ Фраица” въ Николаевѣ въ 1896 г. — Первый встрѣчи съ реалистомъ Бронштейномъ. — Бронштейнъ въ семье, въ школѣ и среди друзей въ революціонномъ кружкѣ. — Его “народничество” и борьба съ марксизмомъ. — Неумолимая “логика” и роковая брошюра Шопенгауера.

Съ Л. Бронштейномъ я познакомился зимой 1896-го года. Я былъ тогда студентомъ кіевскаго университета и пріѣхалъ въ Николаевъ на Рождественскія каникулы.

Въ Николаевѣ жилъ тогда популярный среди радикально-соціалистической молодежи Фраицъ Швиговскій, чехъ по національности, садовникъ по профессіи. Онъ снималъ въ аренду садъ, при которомъ былъ жалкій полуразвалившійся домишко. Въ немъ ютился Фраицъ (какъ всѣ его звали по имени) со своимъ младшимъ братомъ, ученикомъ реального училища.

Фраицъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ радушныхъ людей, къ которымъ при первой встрѣчѣ уже невольно нытасив глубокую симпатію и чувствуя себя съ нимъ такъ, какъ будто знакомъ и друженъ съ нимъ очень, очень давно.

Эти черты характера и радикальный образъ мыслей Фраица естественно привлекали къ нему ту часть молодежи, которая не могла довольствоваться картами, попойками и другими подобными занятіями, единственno встрѣчавшими одобрение царской полиціи, зорко слѣдившей за поведеніемъ молодого поколѣнія.

Немудрено, что, при такихъ условіяхъ, домикъ при сатѣ Фраица сдѣлался сборищемъ пунктомъ для этой молодежи, принялъ характеръ незатѣмиваго “салона”, куда, какъ мотыльки на огонь, собиралась радикально-соціалистическая молодежь, которая, за отсутствіемъ общественнаго дѣла, тѣмъ болѣе охотно любила поболтать на общественные темы и вела нескончаемые горячіе споры о томъ, воз-

моженъ ли въ Россіи капитализмъ, суждено ли ей (Россії) въ своемъ развитіи пойти по пути Западной Европы, или ей уготованы особые пути, минуя злоказненный капитализмъ.

Сторонники первого взгляда называли себя "марксистами" и составляли то ядро, изъ которого впослѣдствіи развилась соціальдемократическая партія; сторонники второго взгляда называли себя "народниками" и образовали впослѣдствіи партію соціалистовъ-революціонеровъ.

Собранія эти носили самый невинный характеръ. Въ нихъ не было ничего планомѣрнаго, преднамѣренного или клонящагося къ "ниспроверженію". Ходили туда, какъ въ клубъ, гдѣ всѣ чувствовали себя хорошо, уютно и непринужденно. Времяпрепровожденіе далеко не ограничивалось одними спорами на указанныя серьезныя темы; тамъ веселились, дурачились, встрѣчали Новый Годъ и т. п.

Въ городѣ садъ Франца, благодаря этимъ таинственнымъ собраніямъ, пользовался страшной репутацией; его считали центромъ всякихъ ужаснѣйшихъ политическихъ заговоровъ.

Жандармское Управлениe, въ своей прозорливости не далеко ушедшее отъ средняго обывателя, тоже очень косо посматривало на этотъ садъ и зорко за нимъ слѣдило.

Братъ Франца кончалъ реальное училище, и къ нему ходилъ его товарищъ по училищу, 18-ти лѣтній юноша, уже тогда обращавшій на себя вниманіе всѣхъ посѣщавшихъ Франца своими выдающимися способностями и талантливостью. Этотъ юноша былъ Лева Бронштейнъ.

Когда я былъ введенъ въ "салонъ" Франца, я только что прочелъ недавно вышедшую книгу Бельтова*) "Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію", и рѣшилъ, что я марксистъ.

Александра Соколовская, впослѣдствіи жена Бронштейна-Троцкаго, узнавъ, что я марксистъ, чрезвычайно обрадовалась, неожиданно нашедши союзника. До этого она была единственной марксисткой во всемъ саду, и ей на себѣ приходилось выносить всю тяжесть нападеній со стороны всѣхъ завсегдатаевъ сада, начиная съ самого Франца, самаго старшаго изъ всѣхъ настъ (ему было лѣть

*) Бельтовъ — псевдонимъ Г. В. Плеханова, основателя русской соціальдемократіи.

28-30) и кончая самымъ молодымъ — Бронштейномъ. Всъ они причисляли себя къ народникамъ и рьяно накидывались на Соколовскую, какъ на марксистку.

Положение Соколовской было тѣмъ болѣе трудное, что въ этихъ словесныхъ схваткахъ ей приходилось опираться почти исключительно на весьма скучную пелегальную литературу, которую было очень трудно доставать; иногда приходилось пользоваться рукописными, подчасъ безграмотными списками. Изъ легальныхъ книгъ — книга П. Струве*) "Критическая замѣтки объ экономическомъ развитіи Россіи" и вышеупомянутая книга Бельтова только что появились.

Противники же Соколовской имѣли къ своимъ услугамъ обильную и солидную легальную литературу: Николая —она, В. В. Карбѣева, Михайловскаго и т. д. Самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ спорщикомъ былъ Лев Бронштейнъ. Заранѣе предвидя побѣду, онъ обдавалъ противника своимъ безжалостнымъ сарказмомъ.

Ему казалось, что его устами говорить сама не преобразимая и неумолимая логика. Читоціей и всей манерой спора, онъ какъ бы говорилъ учреждому противнику о бесполезности борьбы противъ неотразимой силы желѣзныхъ силлогизмовъ.

Не надо забывать, что ему тогда было всего 18 лѣтъ, и, живя иль провинциальномъ городѣ и будучи ученикомъ реальнаго училища, онъ физически не имѣлъ возможности приобрѣсть много знаній, особенно въ области соціальныхъ вопросовъ. Въ дѣйствительности, онъ имѣлъ знаній гораздо менѣе, чѣмъ можно было бы предполагать, принимая во вниманіе его исключительныя дарования, и гораздо менѣе, чѣмъ очень многіе изъ посѣтителей "салона" Франца, которыхъ онъ съ такими успѣхомъ сражалъ. Усидчивыя крохотливыя занятія для приобрѣтенія солидныхъ знаній и обогащенія своего умственнаго багажа, повидимому, мало привлекали его. Онъ принималъ самое горячее участіе во всѣхъ спорахъ въ "салонѣ" Франца, фактически не прочитавъ рѣшительно ни одной книги, какъ народниковъ, къ которымъ онъ себя причислялъ, такъ и марксистовъ, противъ которыхъ онъ съ такимъ остриемъ боролся

*) Одинъ изъ основателей росс. соц. демокр. партіи въ 1898-омъ году, затѣмъ отошелъ отъ соціалистовъ, сдѣлался членомъ партіи к.-д., а въ послѣднее время былъ членомъ правительства Врангеля.

Но, обладая блестящей памятью, онъ умѣлъ на легу схватывать доводы сторонниковъ и противниковъ, быстро ассилировать нужное ему и тутъ же преподносить слушателямъ продуктъ своей талантливой импровизаціи, заполняя пробѣлы прочнымъ цементомъ непобѣдимой "логики".

Въ реальномъ училищѣ онъ, разумѣется, занималъ первое мѣсто. Но не потому, что онъ больше другихъ занимался, или обнаруживалъ особенную любовь къ преподаваемымъ тамъ наукамъ, а потому, что, при своихъ способностяхъ, онъ могъ усвоить преподносимую въ училищѣ премудрость, почти не занимаясь. При этомъ не видно было, чтобы онъ питалъ особый интересъ къ наукамъ, преподававшимся въ училищѣ. Несмотря на свои экстраординарные дарования, онъ никогда не проявлялъ склонности сколько-нибудь расширить свои знанія въ какой-нибудь изъ наукъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ такие хорошие успѣхи въ училищѣ. Принимая во вниманіе его независимый характеръ, на первый взглядъ трудно даже понять, почему онъ продолжалъ посѣщать училище. Будучи отданъ въ училище отцомъ, когда онъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, онъ, надо полагать, продолжалъ посѣщать его по инерції, а позже потому, что, до поры до времени, училище все-таки представляло единственное поле, где онъ могъ проявлять свое превосходство надъ другими. А это ему и тогда уже нужно было, какъ рыбѣ вода. Если бы возможность захватывающей революціонной дѣятельности съ открываемой ею болѣе широкой сферой морального господства, подвернулась за годъ или даже за полгода до окончания училища, не можетъ быть сомнѣнія, что онъ, не задумываясь, бросилъ бы училище, не дожидаясь получения аттестата.

Изъ наукъ, преподававшихся въ училищѣ, одна, казалось, интересовала его больше другихъ. Это была математика, возможно опять потому, что математика, во многихъ отношеніяхъ близка столь любимой имъ "логикѣ". При ея помощи, какъ и при помощи "логики", можно, не тратя времени на кропотливое и скучное пріобрѣтеніе реальныхъ знаній, силою собственнаго ума, посредствомъ, подчасъ, сложныхъ выкладокъ и искусственныхъ комбинацій величинъ (или понятій) придти къ нужной истинѣ и убѣдить въ ней другихъ. Впрочемъ, и въ области любимой логики онъ не прочелъ ничего сверхъ того, что полагалось по школьной программѣ, если не считать "Эристики"

(искусство спорить) Шопенгауэра, которая какъ-то попала въ его руки.

Это — маленькая брошюрка, состоящая изъ 20 или 30 краткихъ положений, параграфовъ, въ которыхъ преподаны правила, какъ побѣждать противника въ спорѣ, независимо отъ того, дѣйствительно ли вы правы или нѣть. Шопенгауэръ предупреждаетъ читателя не забывать, что его "эристика", это не искусство доказывать истину, а искусство одерживать верхъ въ спорахъ, хотя бы въ ущербъ истины. Шопенгауэръ не преподаетъ правила, которымъ надо следовать при веденіи спора, а скорѣе разоблачаетъ приемы, — болѣе или менѣе грубые, или, болѣе или менѣе тонкіе, — къ которымъ прибегаютъ спорщики съ цѣлью побѣдить въ спорѣ. Въ концѣ каждого такого параграфа, разоблачающаго одинъ изъ приемовъ спора, Шопенгауэръ даетъ советъ, какъ данный приемъ парировать. Можно себѣ представить, какъ Броунштейнъ обращался этой маленькой, но оттого отнюдь не менѣе цѣнной, брошюркѣ. Въ ней онъ нашелъ прямое откровеніе Вѣдь это была та "логика", которой онъ до этого такъ гордился. На немногихъ страницахъ его любимый методъ получилъ свое "научное" обоснованіе и твердую формулировку. Искусство побѣждать всякой цѣнной! Какіе томы самыхъ научныхъ сочинений могутъ замѣнить эти нѣсколько страницекъ?

Получивъ аттестатъ обѣ окончаний реального училища, онъ считалъ свое формальное образованіе совершиенно законченнымъ. Естественная въ молодомъ человѣкѣ колебанія по окончаніи средне-учебного заведенія, сомнѣнія, какой выбратьъ дальниѣшій путь, какъ строить будущую жизнь и т. п., — были совершиенно чужды бурно-активному Леву Броунштейну. Обладая пужнымъ запасомъ природной "логики", онъ считалъ себя совершенно подготовленнымъ къ жизни, къ тому, чтобы выявить свое "я" на широкой аренѣ общественной дѣятельности, въ процессѣ выработки новыхъ формъ жизни для всего человѣчества.

Психологи обыкновенно разлагаютъ всю многообразную человѣческую психику на три элемента: познаніе, чувство и волю.

Познаніе, какъ мы видѣли, у Броунштейна сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, что онъ схватывалъ изъ не скончаемыхъ споровъ, и къ "логикѣ". Что касается чувства, то, хотя я былъ съ нимъ въ очень близкихъ отноше-

ніяхъ, я не могу припомнить никакихъ фактовъ, которые указывали бы на то, что у Бронштейна были какія-нибудь склонности въ какой-нибудь области изящныхъ искусствъ, любовь къ театру, художеству, музыкѣ и т. п. Изящную литературу, онъ, конечно, читалъ. Обладая блестящей памятью, онъ любилъ иногда цитировать наизусть нѣкоторыя стихотворенія Некрасова, но особенно онъ увлекался одно время Кузьмою Прутковымъ, любилъ пользоваться его "философскими" сентенціями и съ наслаждениемъ цитировалъ наизусть длиннѣйшіе отрывки изъ его стихотвореній. Если у него былъ любимый писатель изъ прозаиковъ, то это, пожалуй, былъ Щедринъ, сарказмъ которого былъ, по-видимому, очень близокъ его сердцу. Въ разговорахъ онъ очень часто любилъ прибѣгать къ оборотамъ и формамъ, заимствованнымъ изъ того или иного сочиненія Щедрина.

Но дѣйствительная индивидуальность Бронштейна не въ познаніи и не въ чувствѣ, а въ волѣ. Бронштейнъ, какъ индивидуальность, весь въ активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться надъ всѣми, быть всюду и всегда первымъ, — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками.

Такъ какъ, по обстоятельствамъ времени, активность его могла сводиться и дѣйствительно сводилась исключительно къ революціонной дѣятельности, то весьма естественно, что въ ней и воплотилась вся его индивидуальность. Революція и его активное "я" совпадали. Все, что было вѣрѣ революціи, было вѣрѣ его "я" и потому не интересовало его, не существовало для него.

Рабочіе его интересовали, какъ необходимые объекты его активности, его революціонной дѣятельности; товарищи его интересовали, какъ средства, при содѣйствіи которыхъ онъ проявлялъ свою революціонную активность; онъ любилъ рабочихъ, любилъ своихъ товарищѣй по организації, потому что онъ любилъ въ нихъ самого себя.

Левъ Бронштейнъ былъ сыномъ богатаго еврейскаго землевладѣльца. Отецъ его, конечно, не могъ не видѣть, что сынъ обладаетъ выдающими способностями и, какъ отецъ, не могъ не желать, чтобы сынъ пошелъ далеко, и, конечно, не пожалѣлъ бы для этого средствъ, но Лева чуждался своихъ родителей, хотя учился, кажется, на ихъ средства; они же, если не ошибаюсь, платили за его содер-ж

иie въ семье, где онъ жилъ (родители жили въ своемъ имѣніи, виѣ города); во всякомъ случаѣ онъ жилъ такъ, что не видно было, чтобы онъ когда-нибудь нуждался. Родители были для него такими же чужими, какъ миллионы другихъ "буржуа" и не-революціонеровъ. Но это не значило, что нельзя было пользоваться ихъ средствами. "Для дѣла" все источники хороши, родители такъ же хороши, какъ всякие другие "буржуа". Впослѣдствіи, когда онъ былъ совсѣмъ самостоятельнымъ, его дочери (отъ первой жены, Соколовской) болѣшей частью годами жили у его родителей, на счетъ которыхъ онъ содержались, или у друзей. Это освобождало его отъ стѣснительныхъ семейныхъ узъ и позволяло ему свободно разѣжать и заниматься "дѣломъ".

Родителей очень огорчало это его отчужденіе и то, что онъ не позволялъ имъ обставлять его жизнь такими удобствами, какъ имѣ хотѣлось бы. Встрѣчаясь съ Броинтейномъ очень часто, я всегда нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть его отца, прѣбывавшаго изъ имѣнія посмотрѣть, какъ живеть его блудный сынъ. Я не помню, имѣлъ ли я случай видѣть его мать. Я знала, что у него есть братъ или братья и сестры, но только одну изъ нихъ, младшую, Ольгу Давидовну, я видѣла нѣсколько разъ. Броинтейнъ указывалъ мнѣ на нее, какъ на подающую надежды*). Объ остальныхъ братьяхъ и сестрахъ, какъ и о родителяхъ, онъ не любилъ говорить. Ему прямо непонятно было, какъ это революціонеръ, хотя бы въ отдаленнѣйшей степени, могъ интересоваться или считаться съ интересами родителей, родственниковъ и друзей. Въ проявленіи самой малѣйшей слабости въ этомъ отношеніи, онъ уже видѣлъ измѣни революціи.

Александра Соколовская, какъ-то получила сообщеніе изъ Петербурга объ арестѣ подруги ея, съ которой она состояла въ интимной дружбѣ. Втеченіе нѣкотораго времени Соколовская была явно удручена этимъ обстоятельствомъ. Броинтейнъ въ бесѣдѣ со мной неоднократно выражалъ крайнее удивленіе по поводу такой непонятной сентиментальности. Онъ мнѣ прямо сказалъ, что, при всемъ рас-

*.) Впослѣдствіи она дѣйствительно стала революціонеркой. Въ 1905 году я встрѣтился съ ней въ Екатеринославѣ, гдѣ мы работали въ одной революціонной организаціи. Она производила тогда впечатлѣніе барышни съ аристократическими замашками и большими претензіями. Она теперь замужемъ за Каменевымъ и занимаетъ самостоятельный политический постъ.

положеніи ко мнѣ, онъ не испытывалъ бы никакого чувства огорченія, если бы я былъ арестованъ; а въ это время онъ, дѣйствительно, былъ очень друженъ со мной. Друзей онъ, несомнѣнно, любилъ и искренно любилъ, но любовь эта была такого рода, какъ любовь крестьянина къ своей лошади, которая содѣйствуетъ утвержденію его крестьянской индивидуальности. Онъ будетъ искренно ласкать, холить ее, съ радостью подвергать себя лишеніямъ и опасности ради нея, онъ можетъ даже проникнуться любовью къ самой индивидуальности данной лошади, но какъ только она станетъ неспособной къ труду, онъ, не колеблясь, безъ зазрѣнія совѣсти, пошлетъ ее на живодерію.

Такого же характера была и любовь Броиштейна къ друзьямъ; онъ умѣлъ быть пѣжнымъ, обнималь, цѣловаль и прямо засыпалъ ласками. И это было не только по отношенію къ лицамъ другого пола, гдѣ можно было бы заподозрить естественное привхожденіе другого, помимо дружбы, чувства, но также и по отношенію къ лицамъ одного пола. Но, когда другъ оказывался бесполезнымъ, пѣжное чувство моментально отпадало; онъ, не задумываясь, отсылалъ вчерашняго друга на живодерію, проявляя иногда жестокость, которая тѣмъ болѣе поражала, что казалась совершенно не мотивированной иничѣмъ не вызванной.

Наканунѣ 1897 года у Франца была вечеринка. Участвовали, понятно, всѣ завсегдатаи "салона", въ томъ числѣ и Лева Бронштейна. Незадолго передъ этой вечеринкой онъ, въ бесѣдѣ съ А. Соколовской, заявилъ, что сталъ марксистомъ. Отъ радости Соколовская забыла даже удивиться, какъ это съ нимъ произошелъ такой неожиданный переворотъ. Она, до сихъ поръ, какъ марксистка, пребывавшая въ "салонѣ" Франца въ полномъ одиночествѣ, вдругъ приобрѣла такого талантливаго единомышленника. Она готова была простить ему всѣ прежнія прегрѣщенія и обиды, и на описанной вечеринкѣ, имѣвшей мѣсто вскорѣ послѣ этого, была особенно пѣжна къ своему новому союзнику.

Когда стали произносить тосты на политической темы, она съ особымъ нетерпѣніемъ ждала, что скажетъ онъ.

И, о, ужась! Какъ только онъ открылъ ротъ, не только А. Соколовская, но и всѣ присутствовавшіе прямо остолбенѣли. Это была не рѣчь, а самая грубая, площадная ругань противъ марксизма, съ трескучими проклятиями и

прочими атрибутами дешеваго, но забористаго ораторскаго искусства. Изъ всей обстановки и характера рѣчи ясно было, что единственою цѣлью этого выступленія было оплевать и возможно болѣй уязвить А. Соколовскую, единственная вина которой состояла въ томъ, что она была марксисткой.

Всѣ присутствовавшиѣ были крайне смущены. А. Соколовская, страшно растерянная и блѣдная, немедленно покинула веселое собрание. "Никогда, никогда не протяну руки этому мальчишкѣ", — вся кипя отъ негодованія, говорила она сопровождавшей ее и ушедшой вмѣстѣ съ ней съ вечеринки пріятельницѣ.

Б., тогда близкій другъ А. Соколовской и Бронштейна, услышавъ виослѣдствіе объ этой предательской выходкѣ, изъ негодованія вскрикинула: "Изъ него выйдетъ или великий герой или великий негодяй; въ ту или другую сторону, но непремѣнно великий".

Ея предсказаніе было поистинѣ пророческимъ. Б. рассказывала потомъ, что не разъ, послѣ этого события, Бронштейнъ въ мысляхъ представлялся ей въ видѣ разбойника, вродѣ Стеньки Разина.

А. Соколовская вѣкоторое время послѣ этого не могла равнодушно не только смотрѣть на Бронштейна, но даже слышать его имени.

Само собою разумѣется, что указанныя черты характера Бронштейна не могли ускользнуть и не ускользали отъ вниманія его друзей, очень и очень часто испытывавшихъ ихъ дѣйстіе на собственныхъ спинахъ, но, въ виду его явного превосходства надъ всѣми и яркой одаренности, причиняемыя непріятности скоро забывались, а маленькие моральные недочеты легко прощались, и дружественные отношенія сохранялись ненарушенными. То же самое было и съ только что описанной выходкой на новогодней вечеринкѣ. Она скоро была забыта всѣми членами "салона" Франца, и Соколовской въ томъ числѣ; настолько забыта, что между нею и Бронштейномъ скоро возникли самая нѣжная чувства.

Глава вторая.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОПРИЩѢ.

Неудачная попытка выступлениі отъ имени "всей интеллигенціи и рабочихъ массъ". — Бронштейнъ объявляетъ себя соціальдемократомъ, но не марксистомъ. — Организація Южно-Русскаго Рабочаго Союза. — Львовъ и Лассаль. — Первое выступление Бронштейна на рабочемъ собраніи и въ нелегальной печати. — Арестъ.

Когда въ 1897 году народнический журналъ "Новое Слово" перешель въ руки марксистовъ и, къ нашей великой радости, сталъ первымъ марксистскимъ легальнымъ органомъ, Бронштейнъ написалъ длинное мотивированное заявленіе въ имѣвшейся для этой цѣли при общественной библіотекѣ книгѣ. Въ этомъ заявлениі, ссылаясь на перемѣну направлениія журнала "Новое Слово", онъ требовалъ отъ администраціи библіотеки прекратить выписку этого журнала или, по крайней мѣрѣ, сократить число выписываемыхъ экземпляровъ.

Не довольствуясь этимъ, Бронштейнъ написалъ въ томъ же духѣ въ редакцію "Русскихъ Вѣдомостей" письмо, которое заканчивалъ такимъ образомъ: "Вся интеллигенція и рабочія массы крайне возмущены такимъ поворотомъ журнала". Н. М. Осиновичъ*), къ которому, какъ народнику-единомышленнику, онъ обратился съ предложеніемъ присоединить свою подпись къ составленному имъ протесту, выразилъ естественное удивленіе: "Какія же это интеллигентія и рабочія массы, разъ всего будетъ 3-4 подписи, и среди нихъ ни одного рабочаго". — "Это ничего, — не смущаясь, замѣтилъ Бронштейнъ, — мы напишемъ: имѣются тысячи подписей".

Это были его первые литературно-публицистические опыты, въ которыхъ юноша Лева Бронштейнъ въ зародышевой формѣ проявилъ къ признаваемой имъ тогда свобод-

*.) Извѣстный теперь писатель.

дѣ печати ту нѣжную склонность, которая впослѣдствій такимъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла въ декретахъ, рѣчахъ и писаніяхъ комиссара Троцкаго объ этомъ "мелкобуржуазномъ предразсудкѣ".

Какъ отрицательно ни относились друзья къ приемамъ Бронштейна въ отношеніи политическихъ противниковъ, онъ не могъ не замѣтить, что эти его литературные опыты имѣли большой успѣхъ среди нихъ, тѣмъ болѣе, что почти все они были противниками марксизма. Это такъ его подбодрило, что онъ вскорѣ послѣ этого написалъ уже цѣлую полемическую статью противъ марксистовъ.

Эта статья привела въ неописуемое восхищеніе не только его близайшихъ друзей въ саду, но и редакцію одной маленькой народнической газеты въ Одессѣ, куда онъ поспѣшъ свое произведеніе для напечатанія.

При всемъ своемъ восторгѣ, газета напечатать статью Бронштейна, однако, отказалась, боясь, что въ случаѣ возраженій со стороны марксистовъ, занесовъ знаний, какъ редакціи, такъ и Бронштейна окажется недостаточно для отвѣта.

Въ январѣ 1897 г. я уѣхалъ въ Кіевъ. Весною, вернувшись изъ каникулъ въ Николаевъ, я, раумѣтесь, немедленно возобновилъ свои посѣщенія сада Франца и тамъ опять встрѣтилъ Бронштейна.

Его кипучая, активная натура, понятно не могла долго довольствоваться временнымъ пребываніемъ у Франца и холостыми, такъ сказать, спорами съ марксистами и публицистическими упражненіями въ узкомъ кругу друзей. Она бурно искала выхода наружу. Ему нужна была широкая общественная дѣятельность. Но гдѣ было взять ее въ тѣ времена, особенно въ такомъ общественномъ заходѣстѣ, какъ Николаевъ?

Понятно, что онъ съ радостью ухватился за предложеніе Франца организовать маленькое общество для покупки популярныхъ дешевыхъ брошюрокъ и распространенія ихъ среди крестьянъ. Средства "общества" должны были составляться изъ скучныхъ взносовъ самихъ немногочисленныхъ членовъ его, вербовавшихся среди посѣтителей сада Франца. Организація при всемъ своемъ невинномъ характерѣ (брошюры предполагались исключительно легальными), должна была, по условіямъ того времени, быть строго тайной.

Все это окончательно суживало и безъ того не Богъ

вѣсть какой широкій размахъ “организаціи” и не открывало никакихъ перспективъ для такого человѣка, какъ Бронштейнъ.

Но *noblesse oblige*. Бронштейнъ былъ народникомъ, что еще могъ онъ дѣлать въ Николаевѣ, оставаясь народникомъ?

Это общественное крохоборство, претившее всейластной натурѣ Бронштейна, понятно, скоро должно было ему надоѣсть и надоѣло.

Однажды онъ таинственно отозвалъ меня въ сторону и предложилъ принять участіе въ организуемомъ имъ рабочемъ союзѣ. Народничество было отброшено въ сторону: по плану, эта организація должна была быть соціаль-демократической, хотя Бронштейнъ этого названія избѣгалъ, какъ вообще избѣгалъ затрагивать вопросъ о марксизмѣ и народничествѣ и предложилъ назвать организацію “Южно-Русскій Рабочій Союзъ”.

Я принялъ его предложеніе. Кромѣ меня, онъ привлѣкъ также Александру Соколовскую и Илью Соколовскаго, впослѣдствіи редактора “Одесскихъ Новостей”.

Когда я вступилъ въ организацію, я пришелъ на все готовое. У Бронштейна уже были связи съ рабочими, а также съ революціонными кружками Одессы, Екатеринослава и другихъ городовъ, где возникли аналогичные кружки соціальдемократического характера.

Работа была живая, интересная, и Бронштейнъ съ присущимъ ему жаромъ отдался ей, скоро совсѣмъ забывъ о своемъ “народничествѣ”. Онъ забылъ о своемъ недавнемъ заявлениі въ жалобной книгѣ библіотеки; о томъ, что еще такъ недавно, съ неумолимой желѣзной логикой (какъ ему казалось) неопровергимо доказывалъ совершенную невозможность капитализма въ Россіи, забылъ свои саркастические совѣты намъ заводить кабаки и насаждать капитализмъ, разъ мы желаемъ оставаться послѣдовательными и логичными. Все это было предано забвению съ легкостью, прямо изумительной.

Только временами, въ интимныхъ бесѣдахъ со мной, у него какъ-будто пробуждалось желаніе оправдаться передо мною въ своемъ противорѣчіи, и онъ добивался отъ меня признанія, что можно быть соціальдемократомъ, не будучи марксистомъ. Мы, четверо, очень близко сошлись, стали говорить другъ другу “ты” и, вопреки элементарнымъ правиламъ конспираціи, въ закрѣпленіе нашей дружбы, сфото-

графировались группой, которая потом фигурировала у жандармовъ въ дѣлѣ противъ царь. Брошиль на этой группѣ снять въ небрежно одѣтой косовороткѣ. У меня онь настояль, чтобы я одѣлся попроще (косоворотки у меня не было). Отъ старыхъ народниковъ онь перенялъ наклонность къ опрошенію и всегда косо посматривалъ на мои машинку и галстукъ; и, вообще, въ моей привычкѣ одѣваться чисто и по-европейски онь видѣлъ покушеніе на революціонную чистоту. Отъ этого "предразсудка", какъ и отъ многихъ другихъ, онь испытывалъ болѣе, чѣмъ излѣчился.

Окунувшись, какъ я сказалъ, съ головой въ дѣла организацій, онь съ подозрѣніемъ относился ко всякому, кто, какъ ему казалось, проявлялъ преданность дѣлу не въ должной мѣрѣ. Будучи со мной въ большой дружбѣ и на "ты", онь, давая мнѣ свою фотографическую карточку, сдѣлалъ надпись: "Вѣра безъ дѣла мертвъ есть".

Александра Соколовская, питающая уже тогда къ нему глубокія чувства, прочитавъ эту надпись, была очень ею смущена, неизрѣдь шокирована и наставила на ея исправленіе. Но я не согласился, и надпись осталась. Но-вдомъ къ подозрѣнію меня въ памѣти въ будущемъ и къ предостерегающей надписи на карточкѣ послужило мое рѣшеніе, по окончаніи каникулъ, побѣхать въ Казань кончить университетское образованіе (я былъ на пятомъ курсѣ медицинскаго факультета). Если миѣ дорога была революція, я, по мнѣнію Брошиля, не долженъ былъ прерывать своей дѣятельности въ организаціи, хотя бы на пѣсколько мѣсяцевъ, ради получения какого-то диплома врача.

Какъ Брошиль представлялъ себѣ ходъ предстоящей въ Россіи революціи, которой онь, повидимому, былъ такъ горячо преданъ, я не знаю, и онь самъ, я полагаю, не зналъ; но крайней мѣрѣ, онь никогда ничѣмъ не подавалъ повода думать, что у него имѣются на этотъ счетъ какіе-нибудь взгляды или "планы". И это вполнѣ естественно: вѣдь единственное значеніе революціи для Брошиля заключалось въ актиномъ проявлѣніи своего "я" въ его революціонной дѣятельности. Ходъ революціи, ея возможные результаты, то, что для другихъ было "конечной цѣлью", для Брошиля было лишь средствомъ для самоутвержденія своей личности. Съ этой точки зрѣнія, онь всегда былъ оппортунистомъ чистѣйшей воды, несмотря на всю свою пецифическую крайнюю "революціонность".

Знаменитое изречение: “Движение, это — все, конечная цель — ничего”, въ известномъ смыслѣ, какъ нельзя болѣе, было примѣнено къ нему. Въ революціи его интересовала не столько сама эта революція и ея ходъ, сколько собственная его роль въ ней*).

Вотъ почему въ немъ такъ мирно могли уживаться народническая идеология и марксистская практика, совсѣмъ не вызывая обычной въ такихъ случаяхъ внутренней драмы и не требуя немедленного разрѣшенія противорѣчія.

Честолюбивая мысль о выдающейся и первенствующей роли въ русской революціи, несомнѣнно уже тогда обуревала его голову, и онъ неоднократно, съ чувствомъ большого самодовольства, сообщалъ мнѣ, будто рабочіе не вѣрятъ, что его зовутъ Львовымъ (это было его конспиративнымъ именемъ) и принимаютъ его за Лассала.

Долженъ сознаться, что рабочіе мнѣ лично никогда ничѣмъ не подавали вида, что считаютъ Бронштейна переодѣтымъ Лассалемъ (кстати, умершимъ за 30 съ лишнимъ лѣтъ до того), да и имя это они врядъ ли когда слыхали. Вѣроятнѣе всего тутъ дѣло было такъ: онъ такъ долго носился съ своей затаенной мечтой — быть русскимъ Лассалемъ, — что, въ концѣ концовъ, самъ увѣровалъ въ нее, какъ въ фактъ: *Der Wunsch war der Vater des Gedankens.*

Дѣла наши шли великколѣпно. Мы открыли непечатый уголь сравнительно интеллигентныхъ сектантовъ, среди которыхъ работа наша шла чрезвычайно успѣшно. Не мудрено, что голова у насъ всѣхъ (особенно у Бронштейна) начала немного кружиться при мысли о грандіозныхъ перспективахъ, рисовавшихся передъ нашими разгоряченными взорами.

У насъ было нѣсколько рабочихъ, которые составляли нашу особенную гордость, и мы другъ другу передавали высказанныя тѣмъ или другимъ изъ нихъ фразы, какъ любящіе родители хвастаются проявленіями “гениальности” своихъ дѣтей.

Разъ Бронштейнъ съ однимъ рабочимъ пошелъ въ чи-

*) Сказанное отнюдь не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Бронштейнъ тогда сознательно видѣлъ въ революціи лишь средство для собственного возвеличенія, но, что въ подсознательныхъ центрахъ такое подчиненіе революціи собственной личности имѣло мѣсто, — не можетъ подлежать сомнѣнію, особенно въ ретроспективѣ свѣтъ его послѣдующей карьеры.

талью. Тамъ библіотекарша для статистики, между прочимъ, спрашиваетъ рабочаго о его религії. "Я — раціалистъ", съ гордостью заявилъ тотъ. Библіотекарша въ недоумѣнії, первый разъ въ жизни слыша о такой религії. "Что вижу — признаю, чего не вижу — не признаю", съ достоинствомъ пояснилъ рабочій.

Другой рабочій, тоже гордость нашей организаціи, послушавъ раза 2-3 рѣчи о революції, написалъ на малороссійскомъ языку ("украинскаго" тогда еще не было) стихотвореніе, изъ котораго у меня въ памяти задержались слѣдующія строки:

"Ось пришовъ пророкъ великий,
Марксомъ прозывался,
Покорыть царизмъ винъ дыкій,
Тай за працю извяся..."

Этотъ "самородокъ", "краса и гордость русской революції", какъ выразился бы теперь Троцкій, рыхій, уже не совсѣмъ молодой рабочій, потомъ оказался штюномъ-прокураторомъ, преданиемъ всю нашу организацію.

Наша группа была первой соціальдемократической организаціей въ Николаевѣ. Успѣхъ настъ извивчивалъ такъ, что мы находились въ состоянії, такъ сказать, хроническаго энтузіазма. И львиной долей этихъ успѣховъ, мы несомнѣнно были обязаны Бронштейну, неистощимая энергія, всесторонняя изобрѣтательность и неутомимость котораго не знали предѣловъ.

Однажды Бронштейнъ пришелъ ко мнѣ съ проектомъ устроить въ лѣсу маленький митингъ, на который наши рабочіе должны были привести и своихъ друзей, еще не пріобщенныхъ къ нашей организаціи. Мы съ Бронштейномъ условились, что оба произнесемъ рѣчи. Зная, что агитационный баражъ у насъ обоихъ былъ не богать, а скучные источники у насъ обоихъ были один и тѣ же, мы боялись, какъ бы рѣчи наши не оказались идентичными. Поэтому, передъ тѣмъ, какъ отправиться на митингъ, мы сообщили другъ другу планы нашихъ рѣчей. Къ нашей радости оказалось, что рѣчи не совпадаютъ.

Бронштейнъ первый произнесъ свою рѣчу, которая продолжалась минутъ десять. Когда очередь дошла до меня, я струсила и своей рѣчи не произнесъ.

Эта рѣчъ Бронштейна была его первымъ опытомъ въ области ораторскаго искусства. Надо сознаться, что, не

въ примѣръ его первымъ литературнымъ выступлениямъ, это ораторское выступленіе, отнюдь не обнаруживало того мастера ораторского искусства, какимъ впослѣдствіи оказался Троцкій; и его претензіи на наслѣдство Лассала тогда были рѣшительно преждевременны.

Эту сравнительную неудачу, пожалуй, можно объяснить тѣмъ, что у Бронштейна тутъ не было непосредственнаго ощущимаго объекта, на которомъ онъ могъ бы изощрять свой сарказмъ, свою находчивость, смѣлость и рѣшительность атаки.

Во всякомъ случаѣ, фурора среди слушателей этотъ первый опытъ Бронштейна не произвелъ, хотя наши рабочіе знаками одобренія всячески старались подогрѣть пришедшую публику, которой всего было, можетъ быть, около десятка. Возможно, что и этотъ незначительный размѣръ аудиторіи повлиялъ на пылкаго по натурѣ оратора.

Мы скоро завели гектографъ, и въ рабочихъ кварталахъ появилась прокламаціонная литература нашей собственной фабрикації. Въ это время къ намъ прѣхаль одинъ товарищъ, очень ограниченный и невѣжественный, но обладавшій, въ извѣстныхъ, узкихъ предѣлахъ, практической сметкой. Ему удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборудовать маленькая нелегальная типографія. Онъ такъ возомнилъ о себѣ вслѣдствіи этого, что увѣрялъ, будто ему достаточно 100,000 рублей, чтобы произвести въ Россіи революцію. Планъ его былъ очень простъ: на 100,000 рублей онъ можетъ оборудовать 1000 типографій, а этого, по его компетентному мнѣнію, было вполнѣ достаточно, чтобы наводнить Россію нелегальной литературой и такимъ образомъ осуществить революцію. Все это я узналъ отъ Бронштейна, съ которымъ прїѣзжій гений вель таинственные переговоры.

Не знаю, какъ Бронштейнъ тогда отнесся къ плану сфабриковать революцію за 100,000 рублей путемъ наводненія Россіи печатной бумагой. Его упорные попытки теперь, когда онъ уже находится въ зреломъ возрастѣ, ввести соціализмъ путемъ наводненія страны декретами, заставляютъ думать, что идея прїѣзжаго изобрѣтателя тогда глубоко засѣла у него въ головѣ. Опытомъ лишь обнаружено, что къ этой простой идеѣ необходимо не менѣе простое дополненіе въ видѣ усѣкновенія головъ, неспособныхъ должнымъ образомъ воспринять эти декреты.

Какъ бы тамъ ни было, по идея оборудовать малень-

кую типографию Броунгейну, понятно, весьма улыбалась. Вся задержка была лишь въ необходимости для этого ста рублейхъ. И мечту эту ему тогда такъ и не удалось осуществить.

Въ другой разъ онъ пришелъ съ проектомъ печатать нелегальные брошюры въ типографии его дяди. По обыкновению, представленный имъ планъ, былъ зарапѣе детально разработанъ, и всѣ мелочи и случайности тщательно предусмотрѣны. Онъ подробно узналъ процедуру, которой подвергаются рукописи въ типографии, проходя черезъ цензуру, и придумалъ простой способъ обойти ее: послѣ того, какъ легальная рукопись одобрена цензоромъ, она вся удаляется, за исключениемъ обложки и страницы съ подписью цензора, и вмѣсто нея вставляется нелегальный текстъ.

Ему все это легко было, по его словамъ, устроить, такъ какъ, пользуясь довѣріемъ дяди, онъ имѣлъ свободный доступъ къ его типографии и безъ труда могъ помѣстить тамъ своего человека, въ качествѣ наборщика.

Онъ отлично зналъ, что этимъ способомъ, еслибы онъ и удалился, врядъ ли можно было бы воспользоваться болѣе одного раза; во всякомъ случаѣ, скорый провалъ его былъ неизбѣженъ. И при провалѣ, дядѣ его, не имѣвшему никакого отношенія къ революціи и не питавшему сочувствія къ революціонной дѣятельности своего племянника, грозило многолѣтнее тюремное заключеніе и ссылка въ Сибирь съ закрытиемъ типографии и, стало быть, полнымъ разореніемъ семьи. Но эти мелочи Троцкому и въ голову не приходили. Проектъ, однако, не встрѣтилъ сочувствія по причинѣ этихъ имѣнію "мелочей" и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ августѣ 1897 года я уѣхалъ въ Казань доканчивать свое университетское образованіе. Послѣ моего отѣзда работа нашей организации продолжала расти и расширяться. Литературная дѣятельность Броунштейна и другихъ, несмотря на то, что по прежнему приходилось прибегать къ услугамъ примитивнаго гектографа, также быстро росла.

Неукротимая энергія Броунштейна была ключемъ. Онъ затѣялъ выпускать газету, подъ названиемъ "Наше Дѣло". Первый номеръ былъ выпущенъ въ количествѣ 200-300 экземпляровъ. Несмотря на то, что газета была гектографирована, она въ техническомъ отношеніи представляла верхъ совершенства, не только не уступая печатнымъ из-

даніямъ подпольного происхожденія, но даже превосходя ихъ. Всѣ статьи были написаны печатными буквами, четко, красиво. Матеріалъ былъ обильно иллюстрированъ картиками, очень хорошо выполненными. Такъ, описанная въ газетѣ стачка мясниковъ въ Парижѣ, была иллюстрирована нѣсколькими картинами-каррикатурами, талантливо составленными самимъ Бронштейномъ. Для этихъ картинъ онъ просмотрѣлъ юмористические журналы за нѣсколько лѣтъ и позаимствовалъ все, что хоть сколько-нибудь подходило къ тексту статьи, часто комбинируя заимствованныя иллюстраціи, видоизмѣняя ихъ и т. п.

Всю самую существенную часть технической (не говоря, само собою разумѣется, о литературной) работы вынесъ на своихъ плечахъ Бронштейнъ.

Вышло всего три номера “Нашего Дѣла”. Газета имѣла необычайный успѣхъ не только среди рабочихъ, но и во всемъ городѣ. Всѣ говорили о “Нашемъ Дѣлѣ”. Грандонаучальникъ самъ обходилъ мелкія мастерскія для того, чтобы провѣрить сообщенные въ “Нашемъ Дѣлѣ” факты ужаснаго обращенія съ “учениками”.

Въ январѣ 1898 года, когда 4-ый номеръ “Нашего Дѣла” былъ весь составленъ и вполнѣ приготовленъ для гектографированія и даже отчасти отгектографированъ, вся организація сверху до низу, отъ первого до послѣдняго члена, была арестована. Остался на свободѣ одинъ я, который въ это время находился въ Казани.

Глава третья.

ВЪ ТЮРЬМЪ.

Два года въ одесской тюрьмѣ. — Старшій надзиратель Троцкій. — Нереника съ Бронштейномъ въ тюрьмѣ. — Внезапный поворотъ къ марксизму. — Голодовка. — Пришадокъ эпилепсіи.

Въ мартѣ 1898 г. былъ арестованъ и я. Въ апрѣлѣ я очутился въ Одесской тюрьмѣ, гдѣ уже находились Бронштейнъ и всѣ другіе, привлекавшіеся по нашему дѣлу. Тюрьма эта была образцовая, построенная согласно новѣйшимъ требованіямъ тюремной французской школы. Каждое крыло креста состояло изъ высокаго коридора, по обѣ стороны котораго были расположены камеры въ четыре этажа. Двери каждой камеры открывались на желѣзную галлерею, идущую вдоль всего этажа. Галлерея каждого этажа желѣзной лѣстницей соединялась съ галлереей сѣдняго верхняго и нижняго этажа; кроме того, каждая галлерея сообщалась съ соответствующей галлереей по другую сторону коридора при помощи желѣзного мостика.

Внизу, въ центрѣ, гдѣ сходились всѣ четыре крыла тюрьмы, стоялъ старшій надзиратель тюрьмы, которому какъ на ладони, была видна вся тюрьма, содержавшая около 1000 обитателей. Никто не могъ войти въ камеры или выйти изъ нихъ, не будучи замѣченнымъ имъ. Ничто, происходящее у дверей камеръ или на галлереяхъ, не могло ускользнуть отъ его взора. Если младшіе надзиратели хотѣли (за мзду, конечно) дѣлать поблажки отъ главнаго арестантамъ, то они могли это дѣлать только съ согласія старшаго надзирателя, тоже не безвоздвижно, разумѣется.

Въ случаѣ малѣйшаго нарушенія порядка, всѣ надзиратели, по мановенію руки старшаго надзирателя, въ моментъ могли, по лѣстницамъ и мостикамъ, соединяющимъ галлерей, ринуться къ требуемому стратегическому пункту.

Не только всѣ арестанты были въ почти безконтрольной власти старшаго надзирателя, но также и младшіе над-

зиратели были въ полной зависимости отъ него и боялись его не меныше, чѣмъ арестанты. И арестанты и надзиратели не дрожали такъ передъ начальникомъ тюрьмы, какъ передъ нимъ. И, дѣйствительно, фактически хозяиномъ тюрьмы былъ онъ, а не начальникъ.

Идя на прогулку, свиданіе и т. п., я каждый разъ видѣлъ величественную фигуру старшаго надзирателя, опирающагося на длинную саблю и орлинымъ взоромъ фельдмаршала озирающаго свои владѣнія и чувствовавшаго себя царькомъ; и, поистинѣ, онъ былъ царькомъ.

Фамилія этого старшаго надзирателя была — Троцкій.

Однако политические заключенные были исключены изъ его вѣдѣнія. Режимъ для нихъ былъ значительно болѣе суровый, чѣмъ для уголовныхъ. Надзоръ за ними былъ порученъ двумъ жандармамъ, и тюремные надзиратели къ нимъ совсѣмъ не допускались. Изоляція соблюдалась самая строгая. Принимались самыя тщательныя мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать имъ какое-либо сношеніе другъ съ другомъ. Рядомъ со мною, въ сосѣдней камерѣ, сидѣлъ товарищъ по дѣлу, съ которымъ я все время перестукивался; но увидѣть его мнѣ впервые удалось лишь послѣ того, какъ мы были съ нимъ такими близкими сосѣдями втеченіе года.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти строгости, мы все-таки сносились другъ съ другомъ путемъ перестукиванія и контрабандныхъ разговоровъ черезъ окна. Такимъ путемъ я узналъ, что Бронштейнъ незадолго до своего ареста сталъ марксистомъ (дѣйствительно сталъ). Меня это естественно обрадовало, и мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нимъ и побесѣдовать, чтобы убѣдиться, насколько глубокъ и основатель проишедшій въ немъ переворотъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы Бронштейнъ, такъ рѣзко осуждавшій марксизмъ, какъ писменное ученіе лавочниковъ и торгашей, могъ цѣликомъ и безъ оговорокъ принять эту точку зрѣнія.

Кое-что мнѣ удалось слышать透过 окно во время затѣявшихся тамъ споровъ. Но этого было мало для того, чтобы составить себѣ точное сужденіе; разговоры были коротки, торопливы, отрывочны и часто на самомъ интересномъ мѣстѣ прерывались вмѣшательствомъ жандармовъ.

Надо признать, что и въ этихъ отрывочныхъ спорахъ Бронштейнъ умудрялся обращать вниманіе даже постороннихъ (болѣе интеллигентныхъ уголовныхъ) печистоплотно-

стью своихъ приемовъ. Хорошо усвоивъ всѣ приемы "Эритики" Шопенгауэра, онъ и тутъ въ тюрьмѣ часто слишкомъ явно обнаруживалъ, что заботится не столько о торжествѣ правды, сколько о томъ, чтобы въ данный моментъ сразить своего противника въ глазахъ слушателей, хотя бы путемъ предательской логической подножки. Онъ какъ будто боялся, что жандармы прекратятъ споръ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ добиться нужной ему во что бы то ни стало побѣды. Онъ не могъ допустить, чтобы кто-нибудь, кромѣ него, въ его присутствіи, остался побѣдителемъ: и всѣ средства, ведущія къ цѣли, были хороши.

Такое его отношеніе къ противникамъ уже тогда очень возмущало меня (да и не только меня, конечно). Я старался объяснить себѣ это тѣмъ, что онъ слишкомъ чувствовалъ свое преосходство, быть всегда увѣренъ въ своей побѣдѣ во всякомъ словесномъ турнирѣ и быть потому небреженъ въ изборѣ средствъ, торонясь поскорѣй отѣлаться отъ слабаго противника, которому все равно суждено быть сраженнымъ.

На этой почкѣ у насъ неоднократно возникали скоры, и мы подолгу не говорили другъ съ другомъ. Какъ у новообращеннаго, однако, у него была сильная потребность къ изліянію, тѣмъ болѣе, что больше некуда было давать выходъ бьющей черезъ край жизненной энергіи. И, можетъ быть, этимъ надо объяснить, что онъ всегда первый протягивалъ руку примиренія. Меня это всегда очень трогало, тѣмъ болѣе, что оно такъ рѣзко противорѣчило всему складу его властнаго характера.

Однажды утромъ я былъ разбуженъ знакомымъ стукомъ въ стѣну: меня сѣшили предупредить, чтобы я, когда буду въ уборной, подобралъ на полу коробочку изъ-подъ спичекъ; тамъ будетъ записка отъ Броунгейна.

Въ это время къ намъ еще не пропускали никакихъ книгъ со стороны, ни газетъ; и письменныя припадлежности запрещались. Путемъ невѣроятныхъ ухищреи намъ иногда удавалось достать маленький клочокъ бумаги и обгрызокъ карандаша. Съ большими предосторожностями писалась маленькая записочка микроскопическими буквами (для экономіи бумаги) и самыми замысловатыми путями доставлялась адресату, часто находившемуся не дальше соседней камеры. Понятно, что очень часто корреспонденція не доходила по назначению, погибнувъ на одномъ изъ этаповъ.

Можно себѣ представить мою радость, когда изъ по-
добранный мною коробочки изъ-подъ спичекъ я извлекъ
объемистую записку, — цѣлое посланіе, написанное хоро-
шо знакомымъ мелкимъ, четкимъ почеркомъ.

Это было настоящее литературное произведеніе, тѣмъ
болѣе цѣнное, что я уже давно никакой литературы, ни
писанной, ни печатной, не видалъ, не считая, конечно,
Житій Святыхъ и рѣдкихъ, проходящихъ строгую жандар-
скую цензуру и потому офиціальныхъ и сухихъ, писемъ отъ
родныхъ.

Бронштейнъ, при своей кипучей дѣятельной натурѣ,
стремящейся къ властованію и повелѣванію, понятно, бо-
лѣе всѣхъ нась долженъ быть тяготиться вынужденной
бездѣятельностью подъ замкомъ въ четырехъ стѣнахъ ма-
ленькой каморки, и съ жадностью ухватился за подвернувшійся
случай, чтобы въ литературномъ упражненіи разря-
дить хоть часть накопившейся и льющей черезъ край
энергіи и хоть на бумагѣ излить свою злобу и негодованіе
на тѣхъ, которые такъ неожиданно и такъ жестоко прервали
его дѣятельность, рисовавшую для него такія яркія пер-
спективы.

А задача была для него, въ этой запискѣ, нелегкая.
Онъ долженъ былъ изложить въ ней всю исторію своего
ареста, обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, и свои пока-
занія на допросѣ у жандармовъ. Написать все это надо
было такъ, чтобы дать мнѣ полное понятіе о томъ, какъ все
это произошло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дать уликъ противъ
себя, въ томъ случаѣ, если записка будетъ перехвачена. И
онъ выполнилъ это мастерски. Письмо было полно искро-
метного сарказма, злой сатиры — блестящій памфлеть.

Надо помнить, что въ то время политическая дѣла не
разбирались даже тѣмъ упрощеннымъ судебнѣмъ поряд-
комъ, какимъ они велись послѣ 1904 года и до революціи.
Судебная реформа Александра II не коснулась дѣлъ поли-
тическихъ, и они велись въ дoreформенномъ порядкѣ. Не
было ни гласности, ни публичности, ни прочихъ атрибу-
товъ дѣйствительного суда. Обвиняемые допрашивались
жандармами, при чемъ имъ не только не предъявлялись по-
казанія ихъ товарищѣ по обвиненію, но и показанія “сви-
дѣтелей”, освѣдомителей и прочихъ. Они не были субъ-
ектами судебнаго разбирательства, а только объектами, ма-
теріаломъ, изъ котораго жандармы, вмѣстѣ съ другими
ингредіентами, стряпали болѣе или менѣе стройное “дѣло”,

по которому въ Петербургѣ чиновники министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ постановляли приговоры.

Тогда еще не былъ въ ходу, ставшій внослѣдствіе для политическихъ заключенныхъ обязательнымъ, обычай отказа отъ показаний, и большинство обвиняемыхъ совершило наивно длинными показаніями всячески старались выгородить себя. Понятно, что все это было совершеніо безполезно, потому что уже фактомъ ареста приговоръ обыкновенно былъ предрешенъ.

Бронштейнъ, конечно, не могъ этого не знать. Если же онъ все-таки давалъ длиннѣйшія показанія, то, я думаю, не столько для того, чтобы себя выгородить (онъ зналъ, что жандармы не вѣрять его "1001 ночи", какъ они называли его показанія), сколько для того, чтобы разрядить накопившуюся энергию, алобу и нетерпѣніе и удовлетворить писательской потребности; хотя онъ самъ этого, вѣроятнѣе всего, не сознавалъ. Какъ, между прочимъ, видно изъ этой первой записки, онъ и передъ жандармами не прочь былъ прибѣгнуть къ своей "неотразимой логикѣ". Но первую же его попытку сойти со стези "1001 ночи" и обосновать свое alibi "по логикѣ и здравому смыслу" допрашивавший его жандармскій полковникъ оборвалъ короткимъ: "А по закону наоборотъ".

Записки посыпались ежедневно, одна за другой. Я получиль написанную имъ частушку: "Эхъ, и простъ же ты, рабочій человѣкъ"... и т. д. Она потомъ вошла въ сборникъ революціонныхъ пѣсень.

Все шло гладко. И я, и Бронштейнъ были очень довольны. Но съ самаго начала, радость наша была омрачена, особенно для Бронштейна: "нереписка" была односторонняя. Такъ какъ его камера была ближе къ уборной, то онъ выходилъ всегда раньше меня, и я не имѣлъ возможности воспользоваться его способомъ передачи письма. Если бы я оставилъ въ уборной записку, Бронштейнъ могъ бы подобрать ее только на слѣдующій день. За сутки ее успѣли бы много разъ подобрать уголовные или надзиратели. Невозможность получения отвѣтъ отъ меня, естественно очень раздражала его. Со временемъ обращенія въ марксизмъ, у него много накопилось, что потребность въ обмѣнѣ мнѣніями, была громадна. "Ради Бога, придумай способъ отвѣтчать мнѣ", — первно заканчивалъ онъ каждую записку. Мнѣ этого хотѣлось не менѣе, чѣмъ ему. Наконецъ, намъ удалось придумать способъ, очень простой

и удобный, и дававший намъ возможность безпрепятственно вести регулярную и обширную переписку.

Бронштейнъ, не теряя времени, предложилъ мнѣ открыть дискуссию по какому-нибудь вопросу, и самъ далъ тему: "Роль личности въ исторії". Я охотно принялъ его предложеніе. Я не зналъ, конечно, насколько полно онъ воспринялъ теорію материалистического пониманія исторіи. Мнѣ не представлялось, чтобы онъ въ такой короткій срокъ могъ рѣшительно порвать со своей старой точкой зрѣнія и стать на новую, которую онъ, еще такъ недавно, столь энергично и рѣшительно отвергалъ. Самое предложеніе его я понялъ, какъ вполнѣ естественное желаніе, при помощи дискуссіи съ другимъ лицомъ, получше разобраться въ вопросѣ и самому себѣ точнѣе выяснить свою позицію. Поэтому въ своемъ вступительномъ "рефератѣ" я старался выражаться, по возможности, осторожно, избѣгать рѣзкихъ формулировокъ, ставить точки надъ "і", боясь спугнуть начинающейся поворотъ. Я былъ жестоко наказанъ за свою осторожность. Бронштейнъ, что называется, раздѣлалъ меня подъ орѣхъ: "Вполнѣ опредѣленную идею о классовой борьбѣ, ясныя и недвусмысленные положенія материалистического пониманія ты истопилъ въ морѣ недоговоренностей и неопределенностей"... и т. д., и т. д. Я прямо глазамъ своимъ не вѣрилъ: Бронштейнъ былъ теперь такимъ же рѣшительнымъ и прямолинейнымъ "марксистомъ", какимъ онъ раньше былъ его противникомъ.

Когда и гдѣ успѣлъ онъ столько начитаться? На свободѣ, за революціонной работой у него для этого не было времени, а въ тюрьмѣ, кромѣ "Житій Святыхъ" и "Православнаго Вѣстника" онъ ничего читать не могъ.

Какъ бы тамъ ни было, фразеологію марксистскую, онъ, несомнѣнно, усвоилъ въ совершенствѣ и разсуждать о роли личности, о классовой борьбѣ, значеніи производительныхъ силъ и т. п., онъ могъ, какъ самый заправскій марксистъ, и съ присущимъ ему талантомъ. Но, какъ только онъ пытался отъ усвоенной теоріи перейти къ практикѣ, къ марксистскому творчеству, къ примѣненію материалистического пониманія исторіи къ живой жизни, онъ неизмѣнно обнаруживалъ полное безсиліе.

Онъ взялся писать о массонствѣ съ точки зрѣнія материалистического пониманія исторіи. Онъ досталъ три или четыре книги по этому вопросу (это было тогда, когда къ намъ уже допускались кой-какія книги) и думалъ, что

этого вишли достаточно. Понятно, что изъ этого ничего не могло выйти и не вышло, и онъ свою затѣю оставилъ.

Однажды, онъ прислалъ мнѣ длинное разсужденіе на тему о сѣльной и повременной платѣ. (Въ агитационныхъ брошюрахъ, — обыкновенно народническаго происхожденія, — велась борьба за повременную плату противъ сѣльной). Зная, что марксисты основу общественныхъ явлений видятъ изъ состояній и ростѣ производительныхъ силъ, онъ, въ разрѣзъ съ установленными среди революціонерами взглядами, безстрашно защищалъ преимущество сѣльной платы передъ повременной: она увеличиваетъ интенсивность, а, стало быть, и производительность труда, она даетъ возможность болѣе правильной и научной оценки заработной платы, какой достоинъ тотъ или другой рабочий и т. д. Интересы производства были разобраны имъ прекрасно и исчерпывающимъ образомъ. Въ своемъ увлеченіи, онъ забылъ только, что рабочій является не только материаломъ, обслуживающимъ производство, но и субъектомъ, интересы котораго, въ концѣ концовъ, это производство должно иметь въ виду. Это была система Тайлора въ широтѣнїи*).

Среди политическихъ заключенныхъ было не сколько юношей, прямо мальчишкой, которые къ революціи никакаго отношенія не имѣли и были арестованы только потому, что случайно были знакомы съ тѣмъ или другимъ революціонеромъ. Такихъ юношей держали мѣсяцами. Отцу одного изъ такихъ юношей жандармы заявили, что выпустить сына, если отецъ пообещаетъ высѣчь его, какъ только тотъ вернется домой.

Это возмутило всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Былъ поднятъ вопросъ о всеобщей голодовкѣ, чтобы такимъ путемъ заставить жандармовъ освободить юношу. Броинштейнъ сталъ во главѣ кампаніи за голодовку. Я имѣюсь съ немногими другими былъ противъ.

Сообщаться изъ тюрьмѣ, конечно, не легко, а если администрація этого опредѣленно не хочетъ, то и почти совсѣмъ невозможно. Понятно, что мы, противники голодов-

*) Для поднятія неудержимо падающей производительности труда въ промышленности, большинки, какъ известно, одно время очень много говорили, а также дѣлали попытки къ примѣненію си ту же Тайлора въ своемъ "соціал-истическомъ" государствѣ. И въ этомъ, какъ мы видимъ, аргумента Троцкаго предвосхитилъ юноша — прошелъ Броинштейнъ.

ки, не могли развить своихъ доводовъ передъ зеленою молодежью, которая, не имѣя возможности разобраться въ сущности вопроса, взвѣсить свои силы и предвидѣть всѣ возможныя послѣдствія, и боясь показаться трусливой, голосовала, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, за то, что ей казалось по внѣшности болѣе революціоннымъ: голодовка была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Но скоро, конечно, обнаружилось, что голодать не такъ легко, какъ голосовать за голодовку; и та же самая очень "революціонная" молодежь первая быстро стала отпадать, предоставивъ продолжать голодовку своимъ вождямъ и всѣмъ сознательнымъ противникамъ ея. Черезъ три дня стало ясно, что голодовка потерпѣла полный крахъ.

Надо было искать благовиднаго предлога для ея полнаго прекращенія. Къ счастью, администрація тюрьмы очень сочувственно къ намъ относилась и всячески старалась помочь намъ выйти изъ затруднительного положенія. Послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили требованіе къ жандармамъ объ освобожденіи невиннаго юноши замѣнить требованіемъ отъ тюремной администраціи (заручившись заранѣе ея согласіемъ на это) разсадить насъ по камерамъ, согласно представленному нами плану. Администрація, конечно, согласилась тѣмъ болѣе охотно, что дѣла наши были дознаніемъ закончены, и строгая изоляція уже теряла всякий смыслъ. По этому плану я съ Бронштейномъ были посажены въ сосѣднія камеры, между которыми, какъ мы раньше знали, было въ стѣнѣ отверстіе (скрытое парашей), черезъ которое можно было свободно сообщаться. Когда насъ такимъ образомъ разсадили, я, воспользовавшись возможностью свободно съ глазу на глазъ поговорить съ Бронштейномъ черезъ отверстіе, указалъ ему на то, что я былъ правъ, когда былъ противъ голодовки. Печальный результатъ ея, казалось, доказывалъ это съ неоспоримой очевидностью. Къ моему крайнему удивленію, Бронштейнъ не только не былъ обезкураженъ, но съ чувствомъ полнаго удовлетворенія находилъ, что, несмотря на отказъ отъ нашего ультимативнаго требованія и на то, что юноша, изъ-за котораго мы голодали, остался въ тюрьмѣ, мы одержали полную побѣду: во-первыхъ, вся Европа будетъ знать объ этомъ; во-вторыхъ, насъ разсадили, какъ мы желали, и. т. д., и т. д.

Это было наше первое тактическое разногласіе.

Вскорѣ насть ждала новая радость. Жандармское Управлѣніе разрѣшило намъ общія прогулки (до этого каждый изъ насть совершилъ одиночную прогулку втеченіе 15-30 минутъ въ день, въ сопровожденіи жандарма). Нередъ первой общей прогулкой насть всѣхъ вмѣстѣ пустыли въ тюремную баню. Можно себѣ представить, какой это былъ праздникъ для насть. Праздникъ этотъ былъ, однако, не-много омраченъ маленькимъ приключениемъ: съ Бронштейномъ случился какой-то припадокъ. Мы это приняли за обморокъ, и скоро успокоились. Внослѣдствіи, когда Бронштейнъ былъ уже заграницей, такие "обмороки" случались съ нимъ нерѣдко: среди рѣчи на собраний оцѣ вдругъ неожиданно падаль и оставался иѣкоторое время въ безсознательномъ состояніи. Друзья объясняли это "слабостью сердца", хотя оно, по вѣрности, совсѣмъ не производило впечатлѣнія больного человѣка, и, кромѣ этихъ "обмороковъ" ничѣмъ не обнаруживало физической слабости. Такой же "обморокъ" случился съ нимъ на судѣ при разборѣ его дѣла о Союзѣ Рабочихъ Депутатовъ въ 1906 году. Изъ-за этого пришлось даже простоять разборъ дѣла и отложить его. Л. Г. Дейчъ, съ которымъ Бронштейнъ былъ очень близокъ заграницей, сообщилъ мнѣ во время своего пребыванія въ Нью-Йоркѣ (1911-1916 гг.), какъ обѣ известномъ и установленномъ фактѣ, что эти припадки были эпилептическіе. Я лично присутствовалъ только при описаніи припадкѣ въ одесской тюрьмѣ. Но, судя по всей обстановкѣ припадковъ и по отрицательнымъ, въ другихъ отношеніяхъ, даннымъ со стороны его физической конструкціи, надо думать, что припадки эти происходили, дѣйствительно, на почвѣ эпилепсіи.

Многіе черты его характера также невольно наталкиваютъ на такое предположеніе: рѣзко выраженный эгоизмъ, гипертрофированное самомнѣніе, чрезмѣрное и болѣзниче-ное самолюбіе, стремленіе къ экстравагантности въ рѣчи, писаніяхъ и поступкахъ, извѣстнаго рода придирчивый недантимъ (пресловутая "логика"), проявляющейся даже въ четкомъ, аккуратномъ почеркѣ, и т. п.

Правда, все эти черты могутъ, конечно, присутствовать и у не эпилептиковъ. Но въ психопатологіи, больше, чѣмъ гдѣ-либо въ другой области, весь вопросъ — въ степени.

Глава четвертая.

ЭТАПЪ И ССЫЛКА.

Въ Бутыркахъ въ 1900 г. — Бракъ съ А. Соколовской. — "Бунтъ" въ тюрьмѣ. — Ссылка въ Иркутскую губ. — Бронштейнъ-Литидѣ-Ото въ "Восточномъ Обозрѣніи". — Приглашеніе его въ редакцію женевской "Искры".

Въ ноябрѣ 1899 года, послѣ того, какъ Бронштейнъ и его товарищи просидѣли около двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ, изъ петербургскихъ канцелярій получились, наконецъ, приговоры. Бронштейнъ, ожидавшій, по меньшей мѣрѣ, заключенія въ крѣпости, былъ пріятно изумленъ, узнавъ, что его приговорили къ четыремъ годамъ ссылки въ Восточную Сибирь. Меня приговорили къ тремъ годамъ ссылки туда же.

Начались сборы въ дорогу, которые внесли иѣкоторое разнообразіе въ нашу монотонную жизнь.

Вмѣстѣ съ уголовными арестантами мы этапнымъ порядкомъ были отправлены черезъ Кіевъ, Курскъ въ Москву, въ пересыльную тюрьму (Бутырки). Въ Бутыркахъ насъ разсадили въ башняхъ, помѣщающихся въ четырехъ углахъ каменной ограды тюрьмы, — мужчинъ въ Часовой башнѣ, женщинъ въ Пугачевской. Въ этихъ башняхъ политическіе сидѣли подолгу, пока ихъ не собиралось такое количество, что они составляли цѣлую партію для отправки въ Сибирь. Передъ нашимъ приходомъ была отправлена такая партія. Мы были первыми въ новой партіи, и намъ пришлось ждать около полугода. Насъ было пятеро, всѣ по одному дѣлу: Бронштейнъ, И. Соколовский (впослѣдствіи редакторъ закрытой большевиками газеты "Одесскія Новости"), Г. Соколовский, С. Гуревичъ и я. Мы всѣ были помѣщены въ большой круглой камерѣ на второмъ этажѣ башни, съ круглымъ столомъ посрединѣ, придававшимъ ей намекъ на уютъ и комфортабельный видъ, съ десятью кроватями, расположеными радиусами, и столиками возлѣ иѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ больницѣ. Дверь камеры днемъ не замыка-

лась, такъ что мы свободно могли выходить въ маленькой дворикъ при башнѣ, отгороженный высокимъ желѣзнымъ заборомъ отъ остального огромнаго двора огромной пересыпной тюрьмы. Калитка въ этомъ заборѣ всегда была заперта на замокъ и съ нами въ этой маленькой придаточной тюрьмѣ постоянно былъ запертъ одинъ надзиратель. Не имѣя надъ собой постояннаго надзора старшихъ, надзиратели эти предоставляли намъ довольно широкій просторъ, и мы чувствовали себя довольно хорошо, особенно въ первое время, когда мы еще находились въ медовомъ мѣсяцѣ нашего наслажденія совѣтскаго житья, послѣ почти двухлѣтняго одиночного заключенія.

Еще въ Одессѣ, задолго до отправки въ ссылку, всѣ тѣ, у кого были невѣсты или женихи, посыпши застась разрѣшеніями на вѣничаніе и обѣничались. Тѣ, у кого невѣсть не было, фиктивно обѣничались, чтобы въ отдаленной ссылкѣ не очутиться въ полномъ одиночествѣ.

Бронштейнъ и А. Соколовская въ этомъ отношеніи ваткнулась на неожиданное препятствіе въ лицѣ отца Бронштейна. Такъ какъ Лева былъ несовершеннолѣтнимъ, то ему не давали разрѣшенія на бракъ безъ согласія его отца. А отецъ самъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился этому браку (Соколовская была, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ старше Бронштейна). Лева рвалъ и металъ, и боролся со всей энергией и упорствомъ, на какія онъ былъ способенъ. Но старикъ былъ не менѣе упоренъ и, имѣя преимущество пребыванія по ту сторону ограды, остался побѣдителемъ.

По приѣздѣ въ Москву, Бронштейнъ немедленно принялъ за хлоопты о бракѣ, и скоро добился успѣха. Эта борьба на некоторое время дала пищу искавшей выхода энергіи его. Жизнь скоро потекла интересно (насколько это возможно въ тюрьмѣ) и, сравнительно съ Одессой, очень разнообразно. Мужчинамъ два раза въ недѣлю давали свиданія съ женщинами на прозахъ мужей, братьевъ, кузеновъ и т. п. Свиданія давались всѣмъ сразу въ одномъ мѣстѣ, безъ строгаго ограниченія времени и съ весьма слабымъ надзоромъ, такъ что эти свиданія носили характеръ маленькихъ интимныхъ собраній близкихъ людей, связанныхъ узами тѣсной дружбы и общности идеи.

Не знаю, какъ наши женщины, но мужчины къ свиданіямъ готовились очень тщательно, и всѣхъ тщательнѣе Бронштейнъ. На свиданіяхъ онъ обнаруживалъ трога-

тельную нѣжность не только къ своей невѣстѣ, а потомъ женѣ А. Соколовской, но и ко всѣмъ остальнымъ дамамъ, приходившимъ на свиданіе къ своимъ мужьямъ, братьямъ и т. п. и очаровывалъ всѣхъ ихъ своимъ рыцарствомъ. Когда дамы предложили намъ прислать имъ наше бѣлье для починки, Бронштейнъ съ негодованіемъ отвергъ это, какъ устарѣлый предразсудокъ, возлагающей на женщину непріятную работу, и самъ починялъ свое бѣлье.

По возвращеніи со свиданія, весь избытокъ нѣжности онъ продолжалъ расточать намъ: ласкалъ, щѣловалъ, обнималъ и т. п.

Я уже указывалъ на припадки нѣжности въ Бронштейнѣ до ареста, въ разгарѣ первого увлеченія политической дѣятельностью.

Теперь, когда протекло столько времени, заполненаго столькими событиями и превращеніями, каждый разъ, когда я вспоминаю объ этихъ нѣжностяхъ Бронштейна, въ воображеніи моемъ неизмѣнно встаетъ также фигура деспотического императора Павла I съ его исключительной сентиментальностью и припадками неистощимой нѣжности.

А вотъ, что пишетъ Б., одна изъ тѣхъ женщинъ-варищей, которая вмѣстѣ съ нами въ описываемый періодъ сидѣла въ Бутырской пересыльной тюрьмѣ, съ которой Бронштейнъ встрѣчался на описанныхъ интимныхъ собраніяхъ-свиданіяхъ, и которую онъ впослѣдствіи удостоилъ своей дружбой: “Когда я узнала въ 1906 году, что Лева арестованъ и сидѣть въ Домѣ Предварительного Заключенія, мы очень захотѣлись написать ему (мы не переписывались уже нѣсколько лѣтъ), что я и сдѣлала. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Теперь, когда знаешь, во что выродился Бронштейнъ, когда съ усть этого человѣка только срываются слова въ родѣ “безпощадно расправиться”, “уничтожить”, “разстрѣлять”, трудно допустить, что письмо, полученное тогда мною, писано было этимъ самимъ человѣкомъ, — столько въ немъ было задушевности, нѣжности, теплоты и ласки. Мы очень жаль, что я не сохранила этого письма. Это былъ несомнѣнно интересный психологический документъ.”

Начиналось письмо съ того, что лежалъ онъ (Бронштейнъ) какъ то въ камерѣ своей въ особенно придавлен-

помъ настроеній*). Въ голову лѣзли самыя мрачныя мысли, будище казалось такимъ непрігляднымъ, па душѣ мракъ и ужасъ. Вдругъ надзиратель входить и подаетъ мое письмо. Въ мигъ камера преобразилась, точно добрый гений ворвался съ письмомъ. Чтосталось съ тоской и душевнамъ смятеніемъ? Они ушли куда-то вдали; ему сдѣлалось легко и хорошо, и опять захотѣлось жить и вѣрить во все лучшее. И такъ далѣе, и такъ далѣе на многихъ, многихъ страницахъ. И столько тепла, столько ласки, нѣжности. Неужели Лева Броиштейнъ и Троцкій одно и то же лицо?..”

Пользуясь довольно широкой “автономіей” въ предѣлахъ нашей башни съ отгороженнымъ вмѣстѣ съ ней уголкомъ двора, мы не лишены были связей и съ вѣнчаниемъ міромъ, откуда намъ доставлялись деньги, провизія, одежда, необходимыя для далекаго путешествія въ Восточную Сибирь. Доставлялись намъ также въ облаки и книги. До насъ доходили почти вѣсъ новинки. Къ намъ попала только что досpedившая до Россіи известная книга Э. Бернштейна (“Предпосылки соціализма”) на пѣменецкомъ языке, впервые открыто обосновывавшая ревізіонизмъ въ марксизмѣ. Въ нашей камерѣ она вызвала страшное возбужденіе, и мы всѣ съ жадностью ухватились за чтеніе. Всѣ мы горѣли нетерпѣніемъ убѣдиться, сколько правды во всемъ томъ, что мы слыхали обѣ этой ужасной книгѣ. Книга подвергала сомнѣнію все, что мы, марксисты, считали непререкаемой истиной. И всѣ мы единодушно отвергли ее; никакихъ разногласій на ея счетъ у насъ не было. Получали мы и другія книги, недостатка въ нихъ у насъ не было.

Но Броиштейнъ не обнаруживалъ большой склонности къ систематическому чтенію. Жаждя пополнить свое образованіе, паковать побольше знаній, столь естествен-

*). Надо помнить, что тогда Броиштейнъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ первымъ Петербургскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ онъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ руководителей и вершителей. Несомнѣнно, у него уже тогда началася кружиться голова и честолюбіе рисовало ему самыя увлекательныя перспективы; и вдругъ арестъ: опъ спидѣть въ тѣсной каморкѣ, какъ въ клѣткѣ, а Россія молчитъ и не рвется вырвать на свободу своего героя. Есть отъ чего прийти въ отчаяніе.

ная, казалось бы, въ молодомъ и талантливомъ человѣкѣ, была въ значительной степени чужда Левѣ Бронштейну. Это тѣмъ болѣе странно, что Бронштейнъ не могъ не видѣть, и онъ, дѣйствительно, прекрасно видѣлъ, что его талантливость поражаетъ всѣхъ его окружающихъ и приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, но ему никогда было тратить себя на то, чтобы учиться и получать наставлѣнія; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поучать другихъ и повелѣвать ими. Онъ началъ писать романъ, въ которомъ, въ беллетристической формѣ хотѣлъ развить марксистскую точку зрења на российскую общественную дѣятельность. Понятно, что для этого, при всемъ его таланѣ, у него не хватило ни материала, ни знанія; и онъ скоро оставилъ эту затѣю.

Избытокъ энергіи однако искалъ выхода. Ему пришла въ голову идея воспользоваться тою сравнительную свободою отъ надзора, косторю мы были окружены внутри башни для устройства тамъ тайной типографіи. Онъ разработалъ всѣ детали, какъ технической постановки дѣла и полученія нужнаго материала, такъ и доставки готовой работы въ городъ. Онъ передалъ свой проектъ мѣстной революціонной организаціи въ городѣ.

То ли, эта затѣя показалась слишкомъ фантастической, по другой ли какой причинѣ, но она горячаго отклика за оградой башни и тюрьмы не встрѣтила и такимъ образомъ заглохла.

Время тянулось. Шли мѣсяцы. Наша башня постепенно наполнялась новыми заключенными, предназначенными для пополненія нашей партіи, но она далеко еще не была полна.

Составъ заключенныхъ былъ теперь очень разношерстный. Пребываніе въ общей камерѣ становилось все болѣе тягостнымъ, утомительнымъ, и начало вредно отзываться на состояніи нашихъ первовъ. Мы, члены первоначального кружка, обратились къ начальнику тюрьмы съ просьбой перевести настъ въ другую башню, гдѣ нѣть общихъ камеръ. Мы знали, что при слабости высшаго надзора въ башнѣ, будучи формально въ одиночныхъ камерахъ (камеры тамъ сходятся радиусами въ одинъ общий коридоръ), мы, освободившись отъ всѣхъ неудобствъ общей камеры, имѣли бы всѣ преимущества и одиночного и общаго заключенія. Начальникъ намъ от-

казаль на томъ оснований, что одиночное заключеніе пересыльнымъ назначается только за провинности, а мы ни въ чемъ не провинились. Сверхъ всякаго ожиданія, скоро намъ представился блестящій случай пропасть. И мы, къ нашему общему удовольствію, были переведены въ башню съ одиночными камерами.

Случилось это такъ.

Однажды, когда Бронштейнъ, я и еще несколько человѣкъ сидѣли въ камерѣ, со двора прибѣжалъ взволниванный товарищъ и сообщилъ, что Илью Соколовскаго, и еще одного или двухъ, явившійся неожиданно во дворикъ башни начальникъ тюрьмы отправилъ въ карцерь за то, что они не сняли шапокъ при его приходѣ. Всѣ всеполонились. Надо было немедленно реагировать. На этотъ счетъ спора не могло быть. Бронштейнъ сразу овладѣлъ положеніемъ. На фонѣ однообразной жизни въ преѣлахъ башенки, предстоящее выступленіе и ожидаемое столкновеніе съ начальникомъ тюрьмы представлялось большимъ дѣломъ, и Бронштейнъ заранѣе настраивалъ себя на боевой ладъ. На короткомъ совѣщеніи было решено выйти во дворикъ всѣмъ въ шапкахъ, потребовать отъ надзирателя дать тревожный сигналъ для вызова начальника. Шапокъ мы, конечно, при его приходѣ, не снимаемъ. Дальнѣйшее будетъ диктоваться обстоятельствами.

Надзиратель растерялся, дать тревожный сигналъ, однако, отказался. Мы всѣ столпились около него. Бронштейнъ, стоя впереди всѣхъ, вынулъ часы и, держа ихъ передъ собой, торжественно заявилъ надзирателю: "Даю двѣ минуты на размышленіе". Когда срокъ ультиматума истекъ, Бронштейнъ, отодвинувъ несопротивлявшагося надзирателя въ сторону, величественнымъ жестомъ подавилъ кнопку. Затѣмъ мы всѣ, отодвинувъ шапки на головы, вышли во дворикъ. Черезъ короткое время щелкнуль замокъ желѣзной калитки, она съ шумомъ распахнулась, и во дворикъ, окруженный огромной свитой вооруженныхъ надзирателей, влетѣлъ начальникъ.

"Почему шапки не снимаетъ?" — заоралъ онъ, кинувшись къ Бронштейну, стоявшему впереди всѣхъ и, по-видимому, имѣвшему наиболѣе вызывающій видъ: "А ты почему шапки не снимаешь?" — съ достоинствомъ отвѣтилъ Бронштейнъ. "Въ карцерь его!"

Несколько дюжихъ надзирателей подхватили Бронштейна и унесли въ карцерь. Съ тѣмъ же крикомъ на-

чальникъ подбѣжалъ ко мнѣ и другимъ, съ тѣми же результатами.

Въ карцерѣ мы просидѣли сутки, послѣ чего настѣ, всѣхъ участниковъ "бунта", перевели въ башню съ одиночными камерами, и мы вздохнули съ облегченіемъ: наша давнишняя мечта сбылась.

Послѣ этого мы не долго оставались въ московской пересыльной тюрьмѣ. 3-го мая 1900 года настѣ, наконецъ, отправили. Мыѣхали безъ пересадки до Иркутска въ отдельномъ вагонѣ. Конвой обращался съ нами хорошо, и это путешествіе было довольно пріятнымъ. Оно продолжалось 13 дней, настѣ изъ вагона все время не выпускали, и къ намъ никого не впускали. Бронштейнъ, однако, никакъ чemu не обнаруживалъ никакого интереса. Онъ весь былъ поглощень А. Соколовской.

Мы прибыли въ Иркутскъ. Тамъ въ тюрьмѣ я провелъ недѣлю вмѣстѣ съ Бронштейномъ и другими товарищами. Затѣмъ мы разстались: настѣ разослали въ разныя мѣста. Бронштейна я, однако, не потерялъ изъ виду. Связь между нами поддерживалась перепиской; хотя надо сознаться, поддерживалась она не очень дѣятельно, а потому и совсѣмъ прекратилась: не было реальныхъ связей и общихъ захватывающихъ интересовъ.

За то я имѣлъ возможность слѣдить за нимъ по печати. Въ Иркутскѣ выходила прогрессивная газета "Восточное Обозрѣніе", которую читали всѣ ссыльные, и въ которой почти всѣ они сотрудничали (присыпая корреспонденціи о мѣстной жизни, часто содержавшія очень интересный и цѣнныій этнографический материалъ).

Такой человѣкъ, какъ Бронштейнъ, не могъ не обратить на себя вниманія, и редакція скоро заключила съ нимъ лестно-выгодный для него, по условіямъ того времени, договоръ о сотрудничествѣ.

При отправкѣ первой статьи, однако, возникъ очень серьезный вопросъ о псевдонимѣ. Рѣшить его было не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ первого взгляда. Назвать себя, какъ большинство поступало, по какому нибудь женскому имени: Тасинъ, Манинъ, Ленинъ, Мартовъ и т. п., или по мѣсту жительства, Ангарскій, Ленскій, Печерскій и т. п. Бронштейнъ, разумѣется, не могъ уже хотя бы потому, что такъ дѣлали другіе, а онъ не могъ быть "какъ другіе". Самымъ простымъ выходомъ было бы назвать себя своей настоящей фамиліей, это было бы

въ высшей степени оригинально: никто такъ не поступалъ. Но это было еще болѣе невозможнo. Этого вопроса онъ даже не ставилъ. Назвать себя Броунштейномъ значило навсегда прикрѣпить къ себѣ ненавистный ярлыкъ, указывающій на его еврейское происхожденіе. А это было какъ разъ то, о чмъ онъ хотѣлъ, чтобы всѣ, какъ можно скорѣе и основательнѣе, забыли. Его отчужденіе отъ родителей въ ранней молодости, пожалуй, въ значительной степени можно объяснить нежеланіемъ имѣть передъ собою слишкомъ реальное напоминаніе о его національности: отецъ имѣлъ типичныя черты и новадки еврея.

Наконецъ, выходъ былъ найденъ. Броунштейнъ открылъ имѣвшійся подъ рукой итальянскій словарь, и первое слово на страницѣ должно было стать его псевдонимомъ. Слово это оказалось "Antidoto" (противоядіе). И Броунштейнъ назвалъ себя "Антид Ото".

Успѣхъ его въ газетѣ былъ такой, что о большемъ и мечтать невозможно было. Его честолюбіе должно было получить полное удовлетвореніе; во всякомъ случаѣ, максимумъ того, на что можно было расчитывать при данныхъ обстоятельствахъ.

Но, понятно, что эта литературная дѣятельность въ сравнительно маленькой газеткѣ, къ тому же находящейся за тысячи верстъ, не могла заполнить и далеко не заполнила его жизни. У него оставалось очень много свободнаго времени и ищущей выхода энергіи, которую решительно некуда было расходовать. И онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ играхъ и развлеченияхъ, которыми ссыльные старались скоротать время. Особенно пристрастился онъ къ крокету, отчасти, можетъ быть, потому, что характеръ этой игры, болѣе, чѣмъ всякой другой, давалъ особый просторъ проявленію его природной ловкости, сообразительности и находчивости. И тутъ, какъ всегда и во всемъ остальному, гдѣ ему представлялся случай такъ или иначе проявить свою индивидуальность, Броунштейнъ органически не переносилъ соперниковъ рядомъ съ собой; и одержать побѣду надъ нимъ въ крокетѣ было самымъ вѣрнымъ средствомъ пріобрѣсть злѣйшаго врага въ немъ.

Слава о литературныхъ талантахъ Броунштейна росла и скоро дошла до заграничныхъ революціонныхъ кружковъ. Руководящимъ органомъ русскихъ соціальдемократовъ въ то время была издававшаяся въ Женевѣ и тайно

переправлявшаяся въ Россію газета “Искра”. Несмотря на то, что во главѣ ея стояли такія силы, какъ Г. В. Плехановъ, родоначальникъ научнаго соціализма въ Россіи; его не менѣе великій антиподъ Ленинъ, вождь большевиковъ и вершитель судебъ Россіи впослѣдствіи, Аксельродъ, Засуличъ, Дейчъ, Потресовъ, Мартовъ, — “Искра” не могла пренебречь такою восходящею звѣздою, какъ Бронштень. И онъ получилъ приглашеніе принять активное участіе въ газетѣ. Бронштейнъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ бросилъ крокетъ, жену и двухъ дѣтей (второй только что родился) и бѣжалъ изъ ссылки, пробывъ тамъ около года. На время я потерялъ его изъ вида.

Глава пятая.

ЗАГРАНИЦЕЙ.

II-ой съездъ Р. С. Д. Р. П. и расколъ въ партіи. — Большевики и меньшевики. — Броунштейн-Троцкій, Плехановъ и Ленинъ.

Въ ноябрѣ 1902 года я, окончивъ срокъ ссылки, вернулся въ Николаевъ. Тамъ мы скоро пришлось съ головой окунуться въ дѣла мѣстной соціальдемократической организаціи. Хотя память о Sturm und Drang періодъ временъ Львова (Броунштейна) еще не умерла, но организація влако существование. Въ то время, какъ при Броунштейнѣ подпольно-общественное дѣло было все, а частная жизнь революціонера была лишь приаткомъ къ ней (вспомните "Вѣра безъ дѣла мертвъ есть"), — теперь интеллигенты, стоявшіе во главѣ организаціи, были заняты своими частными дѣлами, отдавая революціи лишь крохи свободного отъ личныхъ дѣлъ времени, да и то еще съ опаской, какъ бы не повредить себѣ и своей кое-какъ наложенной маленькой карьерѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, дѣла шли черезъ пень-колоду.

При помощи привезенныхъ изъ Сибири связей мы удалось организовать болѣе правильную доставку нелегальной литературы. Я устроилъ получение единичныхъ экземпляровъ "Искры", завелъ связи съ нелегальной типографіей "Организаціонного комитета" и стала печатать листки. Скоро организація наша пополнилась притокомъ нѣсколькихъ новыхъ интеллигентныхъ силъ, и мы сообща дружно взялись за работу. Мы возобновили изданіе "Нашего Дѣла", уже въ печатномъ, а не гектографированномъ видѣ, начавъ съ 4-го номера, того номера, на которомъ остановился Броунштейнъ.

Работа въ организаціи освѣжилась и оживилась. Незамѣтно прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Между нашей организаціей и соціальдемократическими организаціями другихъ городовъ завязались болѣе или менѣе прочныя

связи. И мы послали своего делегата на партийный съездъ, состоявшийся въ Лондонѣ въ 1903 году.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали результатовъ этого съезда, долженствовавшаго объединить всѣ разрозненные соціальдемократическія организаціи въ Россіи въ единую цѣлостную партію. Но нась ожидало разочарованіе. Посланый нами делегатъ не вернулся. Отчетъ о съезда намъ былъ представленъ субъектомъ, позорно прославившимся на съездѣ и известнымъ со времени этого съезда подъ кличкой Гусева. Этотъ Гусевъ былъ однимъ изъ тѣхъ надежныхъ эмиссаровъ, которыхъ приверженцы Ленина, оказавшіеся на съезде въ большинствѣ и получившие впослѣдствіи названіе большевиковъ, поспѣшили разослать по организаціямъ въ Россіи и заграницей для того, чтобы въ нужномъ для Ленина свѣтѣ изобразить результаты съезда. “Отчетъ” Гусева никого изъ нась не удовлетворилъ. Онъ, очевидно, не договаривалъ, глухо намекая на то, что меньшинство затѣваетъ какія-то каверзы противъ большинства и выбранныхъ съездомъ органовъ, что оно чуть не готовится къ расколу. Отъ того же Гусева мы узнали, что нашъ землякъ Бронштейнъ, который тоже былъ на съезде, заручившись изъ Женевы мандатомъ отъ Сибирской организаціи, также находится въ этомъ меньшинствѣ, и, понятно, играетъ видную роль среди “бунтовщиковъ”.

Участіе Бронштейна, о преданности дѣлу котораго у нась у всѣхъ остались лучшія воспоминанія, еще больше увеличило наше недоумѣніе.

Что-то непоправимое случилось на съездѣ: но что именно, мы не знали.

Тѣмъ временемъ я очутился въ одесской тюрьмѣ, такъ и не разъяснивъ своихъ недоумѣній.

Въ тюрьмѣ я встрѣтился съ В. Н. Маляновичемъ, впослѣдствіи товарищемъ министра Почты и Телеграфовъ при Керенскомъ, и другими товарищами по партіи. Воспитанные на идеяхъ строгой партійной дисциплины въ духѣ Германской Соціальдемократической Партии, мы всѣ единодушно осуждали “бунтовщиковъ”-меньшевиковъ и лояльно считали себя сторонниками большевиковъ.

Позже намъ удалось устроиться такъ, что мы довольно регулярно стали получать “Искру”. Она на съездѣ была объявлена центральнымъ органомъ партіи; но, по странному стечению обстоятельствъ, возможному только въ

подиольѣ, очутилась цѣликомъ въ рукахъ меньшевиковъ. Они, естественно, посчитали сдѣлать ее органомъ для развитія своихъ диссидентскихъ взглядовъ.

Чѣмъ больше я читалъ "Искру", тѣмъ больше я недовѣрвалъ: каждая статья развивала идеи, подъ которыми я не только не могъ не подписатьсь обѣими руками, но которые явно и очевидно вытекали изъ всѣми нами всегда признававшихъ основныхъ принциповъ.

Чего же большевики хотятъ?

Среди другихъ статей были также блестящія, негодующія статьи Бронштейна, возбуждавшія въ читатель возмущеніе противъ Ленина и его чисто пачаевскихъ премоловъ.

Ровно черезъ годъ послѣ ареста, въ сентябрѣ 1904 года, я былъ освобожденъ изъ тюрьмы.

Въ Одессѣ, какъ и въ другихъ городахъ, въ это время борьба между большевиками и меньшевиками была въ полномъ разгарѣ. Суть разногласій между ними уже вполнѣ опредѣлилась. Большевики стремились углубить заговорицкий характеръ партіи съ самимъ строгимъ подчинениемъ центру, т. е. Ленину, жившему заграницей. Въ приемахъ большевиковъ всегда проглядывало недовѣріе къ массамъ, боязнь, какъ бы массы, предоставленныя самимъ себѣ на пути самодѣятельности, не ускользнули отъ нихъ вліянія и не поддали подъ вредное чужое.

Меньшевики залогъ усиѣха партіи и будущей революціи видѣли въ развитіи самодѣятельности въ массахъ и настаивали на использованіи всякой представляющейся возможности въ этой области.

Такъ какъ для самодѣятельности широкихъ массъ, по тогдашимъ условіямъ, представлялось очень мало простора, то борьба между большевиками и меньшевиками постепенно стала вырождаться въ безилодную чисто организаціонную склоку.

Въ это время изъ за-границы получилась брошюра Бронштейна: "Наша тактика". Она уже вышла не подъ псевдонимомъ Антида Ото, а И. Троцкаго.

Какъ только я впервые увидѣлъ оттуда псевдонимъ, въ моей памяти невольно всплыла импозантная фигура Троцкаго, старшаго надзирателя одесской тюрьмы, величественно онирающагося на свою длинную саблю и изъ своего центра держащаго въ рукахъ всю тысячу толпу непривыкшихъ къ покорности и новиованію обитателей

тюрьмы, всѣхъ младшихъ надзирателей и даже самого начальника тюрьмы.

Сильная и властная фигура Троцкаго несомнѣнно произвела глубокое впечатлѣніе и на Бронштейна.

И чѣмъ болѣе я знакомился съ дѣятельностью Бронштейна впослѣдствіи, тѣмъ больше росла во мнѣ уверенность, что Бронштейнъ свою новую фамилію позаимствовалъ у царька одесской тюрьмы.

Когда въ 1918 году я встрѣтился въ Одессѣ съ Ильей Соколовскимъ, который находился въ одномъ мѣстѣ съ Бронштейномъ во время его побѣга изъ Сибири и, возможно, принималъ участіе въ организаціи этого побѣга, я подѣлился съ нимъ моими соображеніями о происхожденіи псевдонима Бронштейна.

Онъ поднялъ меня на смѣхъ. По его словамъ, произошло это гораздо болѣе просто. Бронштейнъ досталъ паспортъ мѣстнаго жителя Троцкаго и съ этимъ паспортомъ бѣжалъ.

Каково бы ни было происхожденіе этого псевдонима, онъ представлялся какъ нельзя болѣе удобнымъ способомъ отвязаться, наконецъ, отъ ненавистной еврейской фамиліи и навсегда принять фамилію чисто русскую.

Насколько для него важно было избавиться отъ фамиліи, напоминающей о его связи съ еврейской націей, можно судить по тому, что послѣ захвата власти въ октябрѣ 1917 года, когда, казалось, руки большевиковъ были полны самыхъ неотложныхъ работъ по коренному преобразованію страны и борьбы не на жизнь, а на смерть съ еще живой “контрь-революціей”, однимъ изъ первыхъ ихъ актовъ, въ самые первые дни ихъ господства, былъ декретъ о томъ, что всякий гражданинъ имѣеть право, при желаніи, перемѣнить свою фамилію, для чего этимъ же декретомъ устанавливалась очень упрощенная процедура.

Кому, кроме Троцкаго, Стеклова и еще небольшой кучки рвущихся въ исторію отщепенцевъ, была такая спѣшная надобность въ этомъ въ такое горячее время?*).

*) Когда делегація изъ почетныхъ евреевъ обратилась къ Троцкому, какъ еврею, съ просьбой воздѣйствовать на своихъ товарищей большевиковъ и не губить приобрѣтеній Февральской революціи, впервые давшей евреямъ права гражданъ въ Россіи, онъ пришелъ въ бѣшенство отъ такого напоминанія о его національности и въ негодованіи заявилъ: “Я не еврей, а интернаціопалистъ”.

Въ указанной брошюрѣ "Наша тактика", Троцкій (будемъ теперь такъ называть его) впервые попытался стройно и систематически изложить основные черты тактики меньшевиковъ, отличающія ее отъ тактики большевиковъ.

Въ это время Троцкій находился подъ сильнымъ вліяніемъ П. Б. Аксельрода, одного изъ пяти основателей первой въ Россіи соціальдемократической "Группы Освобождения Труда". И "Наша тактика" была лишь распространенной передачей тогдашнихъ идей Аксельрода.

Въ одномъ мѣстѣ этой брошюры, Троцкій въ не сколькихъ словахъ даетъ характеристику каждого изъ досѣздовскихъ лидеровъ партіи. Съ наибольшимъ уваженіемъ онъ, понятно, относится къ Аксельроду. Аксельродъ, — говорится въ брошурѣ, — пишетъ мало, но каждая его фраза является для другихъ темой для большихъ статей Мартовъ — это Добролюбовъ партіи. Тамъ же, гдѣ надо было связать, скрутить, накинуть мертвую нетлю, тамъ на первомъ мѣстѣ выступаетъ Ленинъ.

Несмотря на лестную аттестацію, самъ Аксельродъ, какъ мы уже тогда приходилось слышать, былъ далеко недоволенъ брошурой Троцкаго и тѣмъ, какъ онъ изложилъ его идеи. Онѣ получили слишкомъ упрощенный и схематический видъ.

Какъ бы тамъ ни было, брошюра рѣзко отличается отъ большинства другихъ произведений Троцкаго. Въ ней совершенно нѣть того искрометнаго блеска, составлявшаго столь характерную черту его памфлетовъ виослѣдствій, и она ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда многихъ другихъ болѣе или менѣе хорошихъ брошюръ. Она лишена чертъ оригинальности, въ ней отсутствуетъ отпечатокъ индивидуальности автора.

И это вполнѣ естественно. Меньшевизмъ совершилъ несовмѣстимъ со всѣмъ складомъ характера Троцкаго. Его мѣсто скорѣе было тамъ, гдѣ находился Ленинъ, гдѣ "надо было связать, скрутить, накинуть мертвую нетлю". Но тамъ первое мѣсто было занято самимъ Ленинымъ, который уже тогда явно представлялъ такую крупную величину и занимать такое выдающееся положеніе, чтоничего было и мечтать не только о томъ, чтобы занять его мѣсто, но даже стать рядомъ съ нимъ.

А Троцкій никогда не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые могутъ занимать второе мѣсто или даже терпѣть

кого-либо рядомъ съ собой. Единственный выходъ оставался — стать въ ряды “бунтовщикъ”; тамъ была надежда выдвинуться въ первые ряды и занять впослѣдствіи первое мѣсто.

Плехановъ, бывшій среди меньшевиковъ, конечно, былъ бы конкурентомъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Ленинъ. Но, во-первыхъ, на съездѣ Плехановъ былъ съ большинствомъ, руководимымъ Ленинымъ; во-вторыхъ, онъ никогда въ организаціонныхъ дѣлахъ большой роли не игралъ, будучи по существу теоретикомъ. А теорія именно всегда мало привлекала Троцкаго. И съ перваго же личнаго знакомства съ Плехановымъ, онъ питалъ инициативную ненависть къ нему, что впослѣдствіи неоднократно печатно засвидѣтельствовалъ съ развязностью, поистинѣ изумительной и никѣмъ не превзойденной.

Впрочемъ и Плехановъ сразу почувствовалъ къ Троцкому непреодолимую антипатію. Задолго до приѣзда Троцкаго изъ ссылки заграницу, о немъ уже много говорили, какъ о человѣкѣ, у котораго замѣчательное перо. “Это перо мнѣ очень не нравится”, говорилъ Плехановъ друзьямъ послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ Троцкаго*).

Какъ бы тамъ ни было, вся послѣдующая политическая дѣятельность Троцкаго съ очевидностью доказываетъ, что идеи брошюры “Наша тактика” совершенно чужды были всему складу его характера, и она являлась лишь плодомъ вынужденного положенія. И потому нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что она носить характеръ вымыченности, характеръ статьи, написанной на заказанную чужую тему, что на ней нѣть отпечатка индивидуальности Троцкаго.

*) Въ этомъ съnimъ впослѣдствіи сходился Ленинъ, назвавшій Троцкаго “революціонной балалайкой”.

Глава шестая.

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Октябрьские дни 1905 г. — Троцкий въ Петербургскомъ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ. — Парвусъ и "перманентная революція". — Арестъ. — Первая Государственная Дума.

Послѣ этого я на некоторое время потерялъ Троцкаго изъ виду.

Настали октябрьские дни 1905 года. Всѣ вынуждены изъ подполья. Лидеры изъ зарубежныхъ странъ хлынули въ Россію, въ Петербургъ. Троцкій къ этому времени уже находился тамъ.

Для меньшевиковъ впервые открылась реальная возможность проводить въ жизнь свои идеи о самодѣятельности массъ въ широкомъ масштабѣ. И они, действительно, не дожидались законодательного оформления, приняли самое дѣятельное участіе въ организаціи професіональныхъ союзовъ, кооперативовъ и всякихъ другихъ объединеній.

Идея Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, сыгравшаго такую видную роль въ революціи 1905 года, нашла у нихъ свой первый самый живой откликъ. Большевики, съ Ленинымъ во главѣ, вѣрные своимъ принципамъ, решительно возставали противъ всѣхъ этихъ затѣй, пока власть находится въ рукахъ старого правительства. Увидѣвъ, однако, что рабочіе, не слушаясь ихъ окриковъ, охочи организуются въ професіональные союзы, идутъ въ кооперативы и пр., и что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ становится главнымъ центромъ революціи, большевики съ Ленинымъ во главѣ, перемѣнили тактику, хлынули въ эти организаціи и всюду начали свою большевистскую дезорганизацію; а въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, вся сила котораго была въ его беспартийности, подняли скоро вопросъ о подчиненіи его соціальдемократической партіи, т. е. въ конечномъ счетѣ, большевикамъ; но въ этомъ они успѣха не имѣли.

Для Троцкаго открылась, наконецъ, возможность выдвинуться и широко развернуть свои таланты. Онь меньше всего интересовался теоретическими спорами между

меньшевиками и большевиками, разъ открылась возможность широкаго дѣйствія и активнаго проявленія своей личности. И когда первый предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, Хрусталевъ-Носарь былъ арестованъ, Троцкій, подъ именемъ Яновскаго, фактически сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей Совѣта. Онъ достигъ самаго высшаго, чего онъ могъ желать. Взоры всей Россіи были устремлены на Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и его руководителей. Главный царскій министръ Витте вѣль переговоры съ Троцкимъ, какъ съ равнымъ себѣ представителемъ новой сильной державы. Было отъ чего закружиться головѣ и у всякаго другого, а тѣмъ болѣе у Троцкаго, который, — теперь уже подъ сильнымъ вліяніемъ Парвуса, — извѣстнаго русскаго и германскаго соціаль-демократа, впослѣдствіи ренегата и спекулянта, — бредилъ “перманентной революціей”. Когда Николай издалъ свой знаменитый октябрьскій манифестъ, Троцкій, отвергнувъ участіе въ выборахъ въ Государственную Думу и, вмѣстѣ съ большевиками всесѣло принявъ точку зрѣнія бойкота, въ одной изъ своихъ рѣчей заявилъ, что “рабочій классъ на кроваво-красныхъ стѣнахъ Зимняго Дворца кончикомъ штыка напишетъ свой собственный манифестъ”.

Организационно, впрочемъ, Троцкій по прежнему оставался съ меньшевиками; и парвусовскія идеи о “перманентной революціі” онъ развивалъ на страницахъ меньшевистскаго “Начала”.

Въ декабрѣ 1905 года я пріѣхалъ въ Петербургъ и въ первый же день встрѣтился съ Троцкимъ въ редакціи “Начала”.

Въ элегантно одѣтомъ, изящномъ господинѣ съ очень важнымъ видомъ я съ трудомъ узналъ Леву Бронштейна съ его небрежной косовороткой и прочими атрибутами былого опрощенія.

Хотя онъ обнялся со мной и расцѣловался, въ его отношенія ко мнѣ ясно давалъ себя чувствовать покровительственный холодокъ человѣка, стоящаго очень высоко на общественной лѣстницѣ и не имѣющаго возможности тратить время съ друзьями того отдаленнаго времени, когда онъ еще не былъ въ чинахъ. Онъ удѣлилъ мнѣ всего 2-3 минуты въ коридорѣ, пригласилъ на завтрашнее засѣданіе Совѣта и исчезъ въ редакціонномъ лабиринтѣ.

Присутствовать на засѣданіи Совѣта мнѣ, однако,

такъ и не удалось, и Троцкаго на свободѣ я больше не видѣлъ. На квартирѣ, гдѣ миѣ была предоставлена иночевка, ночью, когда домъ былъ полонъ гостей, былъ произведенъ обыскъ (по доносу о храненіи нелегальной литературы), и я, какъ еврей, не имѣвшій права жительства въ Петербургѣ, былъ арестованъ. Я переночевалъ въ участкѣ, а на слѣдующее утро, меня посадили въ поѣздъ и выслали изъ Петербурга. Съ первымъ встрѣчнымъ поѣздомъ, я въ тотъ же день вернулся обратно въ Петербургъ.

На засѣданіе Сдѣлкта, я однако, рѣшилъ иѣкоторое время неходить, чтобы не попасть на глаза арестовавшему меня приставу.

Тѣмъ временемъ весь Совѣтъ, вмѣстѣ съ Троцкимъ, былъ арестованъ и преданъ суду.

Послѣ ареста Сдѣлкта, политическая жизнь продолжала идти интенсивнымъ темпомъ, направившись лишь по другому руслу: началась Думская кампания.

Междудышевиками и меньшевиками онять загорѣлась борьба. Меньшевики отстаивали участіе въ выборахъ, большевики были рѣшительно за бойкотъ, боясь, что участіе въ выборахъ соадѣсть въ массахъ иллюзію, будто эта недемократическая и почти безправная Дума можетъ разрѣшить всѣ политические и соціальные вопросы, и отвлечь вниманіе этихъ массъ отъ необходимости борьбы за Учрежденіе Собраніе. Учрежденіе Собраніе въ ихъ глазахъ, такимъ образомъ, въ отличіе отъ Думы, пріобрѣтало характеръ какого-то талисмана или соціально-политической отмычки, обладающей чудесными свойствами, независимо отъ условий мѣста, времени и окружающей обстановки. Сторонниковъ участія въ выборахъ они обвиняли на этомъ основаніи въ распространеніи и поддержкѣ вредныхъ анти-демократическихъ "конституціонныхъ иллюзій". Это было у нихъ тогда такимъ же любимымъ выраженіемъ, какъ теперь "контръ-революціонеры". Государственная Дума была, наконецъ, избрана и созвана. Ея успѣхъ и популярность въ массахъ превзошли всѣ ожиданія. Даже большевики бѣгѣли, хотя не хотѣли въ этомъ сознаться. Вопреки всѣмъ ихъ гаданіямъ на кофейной гуще, Дума стала центромъ революціонного освободительного движения въ Россіи, и правительство не могло ее долго теребѣть. Въ юлѣ она была разогнана. Реакція рѣшительно подняла голову. Начались аресты и обыски. Былъ арестованъ и я.

Глава седьмая.

ВЪ ДОМЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Споры о бойкотѣ Думы. — Кадетизмъ и анархизмъ. — Колебанія Троцкаго. — Чужіе лавры.

Въ Домѣ Предварительного Заключенія, куда я попалъ, политические пользовались свободой настолько, что совершенно безпрепятственно могли переговариваться чрезъ окна. Политическая события рѣзко наростали. Каждый день приносилъ что-нибудь новое, и каждого вновь прибывшаго (а арестованные прибывали непрерывно) товарищи осаждали допросами. Той же участіи подвергся и я. Троцкій, который въ это время тоже находился въ Домѣ Предварительного Заключенія, между прочимъ, спрашивалъ меня объ общихъ знакомыхъ. Мое замѣчаніе, по поводу одного изъ очень интересовавшихъ его лицъ, что онъ теперь “совсѣмъ меньшевикъ, почти кадетъ”, вызвало злорадную реплику со стороны Троцкаго: “Это очень пикантно въ устахъ меньшевика!” Въ его глазахъ такимъ заявлениемъ я убийственно компрометировалъ и себя и меньшевиковъ. Между тѣмъ, у меня это не было неудачной обмолвкой; для меня, дѣйствительно, ясно было, что кадетизмъ, это — свойственная меньшевизму форма оппортунизма, тогда какъ оппортунизмъ, свойственный большевикамъ, — анархизмъ. Всякая революціонная тактика (большевизмъ тогда еще былъ теченіемъ революціоннымъ) имѣть свойственную ея сущности форму оппортунизма. Я считалъ, что мнѣ чуждъ и тотъ и другой видъ оппортунизма. Но если бы мнѣ пришлось выбирать изъ двухъ формъ оппортунизма, апартистскаго и кадетскаго, я всегда предпочелъ бы кадетскій. Троцкій несомнѣнно имѣлъ предпочтеніе и склонность, — хотя ни въ какомъ случаѣ, тогдѣ онъ не рѣшился бы признаться въ этомъ, — къ апартистскому оппортунизму, которому онъ теперь отдался всесѣло. Отсюда сарказмъ.

Слѣдствіе по дѣлу Троцкаго скоро послѣ моего ареста было закончено; и онъ сталъ пользоваться сравнительно большей свободой, чѣмъ я и другіе, находившіеся подъ слѣдствіемъ. Онъ писалъ статьи и брошюры, и онъ печатались. Пользуясь сравнительной свободой внутри тюрьмы, онъ часто подходилъ къ моей камерѣ, и мы подолгу бесѣдовали透过“волчекъ”.

Благодаря ему, я имѣлъ возможность вести переписку съ женой. Онъ бралъ у меня письма и доставлялъ отвѣты, минуя тюремную администрацію. Онъ также доставлялъ мнѣ газеты и нелегальную литературу.

Какъ я уже указывалъ, во всѣхъ тактическихъ вопросахъ онъ всегда былъ съ большевиками, хотя организаціонно связывалъ себя съ меньшевиками. Связь эта, какъ я также указывалъ, на мой взглядъ, объясняется чисто случайными обстоятельствами въ моментъ возникновенія меньшевизма. Большевикъ по натурѣ, Троцкій сталъ меньшевикомъ по необходимости.

Во время одной изъ нашихъ бесѣдъ透过“волчекъ”, я задалъ ему прямой вопросъ: неужели онъ, считающій себя марксистомъ, не видѣтъ, что меньшевики именно являются настоящими марксистами, и что большевикамъ совершили чуждъ марксистской образъ мысленія. Онъ призналъ справедливость этого (иначе какой бы онъ былъ меньшевикъ?) и допустилъ, какъ самоочевидную вещь, что Ленинъ совсѣмъ не марксист. Однако, при этомъ онъ прибавилъ, что меньшевики совершенному неспособны къ живому, активному политическому дѣйствію, въ то время, какъ большевики всегда умѣютъ схватывать настоящую здоровую, правильную тактику. И въ его словахъ явно звучала горячая симпатія къ близкимъ ему по духу большевикамъ и съ трудомъ скрываемая антипатія къ совершенному чуждымъ ему меньшевикамъ.

“Какъ ты объяснишь, въ такомъ случаѣ, такое странное обстоятельство, что правильную марксистскую тактику могутъ проводить только очевидные не марксисты, а марксисты совершенному неспособны къ марксистской тактике?”

На это я отвѣта не получилъ. Ему “помѣшали”, и онъ больше къ этому вопросу не возвращался.

Однажды онъ принесъ мнѣ свою написанную въ тюрьмѣ и только что напечатанную брошюруку: “Наши задачи въ связи съ разгромомъ Думы” (не ручаюсь за буквальную

точность заглавія, но таково было ея содережаніе). Онъ, надо полагать, этимъ своимъ произведеніемъ былъ очень доволенъ. И ему, повидимому, очень хотѣлось услышать похвалу изъ чужихъ усть. По этой ли, или по другой причинѣ (судить не берусь), но онъ попросилъ меня подробно написать мое мнѣніе о ней. Я охотно согласился: при вынужденной тюремной бездѣятельности и у меня жажда хоть какой-нибудь дѣятельности далеко превосходила предоставляемыя для нея возможности.

Въ этой брошюркѣ Троцкій откровенно признается, что тактика бойкота въ первую Государственную Думу была ошибкой*): “Мы не учли момента, и надо не бояться открыто признаться въ этомъ”.

Но когда онъ переходитъ къ “Нашимъ задачамъ”, онъ прямо поражаетъ бѣдностью мысли и отсутствиемъ реальнаго содережанія. Никакой осозаемой тактики онъ, въ сущности, не предлагаетъ. Все изложеніе ограничивается громкими трескучими фразами, не дающими читателю никакого указанія: что же дѣлать?

Я уже въ другомъ мѣстѣ указывалъ, что Троцкій могъ въ свое время хорошо излагать теорію марксизма, но когда дѣло доходило до примѣненія его на практикѣ, онъ неизмѣнно пассивовалъ.

Марксизмъ,—безстрастно анализирующей соціальный организмъ, выясняющей роль соціальныхъ группъ въ немъ, соціальная силы, движущія этотъ организмъ въ томъ или иномъ направлениіи,—совершенно чуждъ всему психическому складу Троцкаго, слишкомъ занятаго своей собственной личностью и ея именно ролью въ исторіи даннаго момента. У него не хватаетъ терпѣнія внимательно и вдумчиво вчитываться въ страницы книги жизни. Онъ быстро перелистываетъ ее, спѣша отыскать свое имя въ ней и занять свое мѣсто (непремѣнно первое и, по возможности, эффектное). Статья или брошюра: “Наши задачи”, “Наша тактика” и т. п. должна только оправдать занятую позицію. Гдѣ ужъ тутъ до марксистского анализа? Онъ послѣ, бѣлыми нитками, пришивается спереди или сзади,

*.) Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ Ленина, который упорно отстаивалъ правильность потерпѣвшей очевидный крахъ тактики бойкота выборовъ въ первую Думу даже тогда, когда признавалъ необходимость участія въ выборахъ во вторую Думу.

смотря по тому, какъ это диктуется архитектурными соображеніями, а то и совсѣмъ забывается.

Кадеты Родичевъ и Петрукевичъ, черезъ Думу, стали героями страны. Лавры, доставившися имъ, могли бы достаться "намъ", если-бы "мы" не сдѣлали ошибки, правильно учли бы моментъ и т. д. А потому "Наша задача", "Наша тактика" и т. д., и т. д.

Кое-какіе общицаніи лавры во второй Думѣ вышли и на "нашу" долю, но не въ лицѣ Троцкаго, котораго они опять миновали, а въ лицѣ большевика Г. Алексинскаго*).

Изъ всѣхъ профессій, въ которыхъ Троцкій до сихъ порь, съ большимъ или меньшимъ талантомъ изощрялся: намфлетиста, публициста, народного трибуна, дипломата,— эта профессія политика-аналитика меньше всего соответствуетъ его психической конструкціи. Тутъ онъ наиболѣе рѣзко обнаруживаетъ свою Ахиллесову пяту. Болѣе всего на своемъ мѣстѣ онъ, пожалуй, въ теперешней роли фельдмаршала. На этомъ поприщѣ всѣ его таланты могутъ развернуться во всю ширь.

Такъ или иначе брошюра миѣ совсѣмъ не поправилась. Я откровенно написалъ свое мнѣніе, въ видѣ критической замѣтки, не скрывая того, что я думалъ, но, понятно, въ очень корректной, дружески-товарищеской формѣ. Миѣ и въ голову не приходило, что эта моя невинная замѣтка, въ отвѣтъ на его просьбу, можетъ сколько-нибудь повлиять на наши отношенія, въ особенности, если принять во вниманіе разницу общественно-политического удѣльнаго вѣса каждого изъ наст.

Я жестоко ошибся. Послѣ моей замѣтки онъ явно дулся на меня, сталъ избѣгать меня и, если и подходилъ къ моей камерѣ, то быстро просовывалъ сквозь щель подъ дверью газету или письмо отъ жены и немедленно исчезалъ. О моей замѣткѣ — ни слова, какъ будто я ее не писалъ, и онъ меня объ этомъ не просилъ; и бесѣды со мной черезъ "волчекъ" прекратились. Онъ демонстративно давалъ миѣ чувствовать свое полное охлажденіе ко миѣ.

Скоро его отправили въ Сибирь. Черезъ некоторое время и меня отправили въ административную ссылку въ Вологодскую губернію, и я надолго потерялъ Троцкаго изъ виду.

*.) Со временемъ войны Алексинскій рѣшительно порвалъ съ большевиками и сталъ въ ряды борцовъ противъ большевизма.

Глава восьмая.

ВЪ ЭМИГРАЦІИ.

Лондонскій съездъ Р. С. Д. Р. П. — Троцкій со “своимъ складнымъ стуломъ”. — Вѣнская “Правда”. — Отношеніе къ старымъ друзьямъ.

Въ 1907 году состоялся съездъ россійскихъ соціал-демократовъ въ Лондонѣ. Тамъ присутствовалъ цвѣть партіи. Со стороны меньшевиковъ были Плехановъ, Мартовъ, Церетели и многія другія свѣтила. Со стороны большевиковъ — Ленинъ, Роза Люксембургъ, Алексинскій, А. Богдановъ, Покровскій, Тышко и др. Лучшія мѣста съ обѣихъ сторонъ были заняты. Что было дѣлать Троцкому, который успѣлъ бѣжать изъ ссылки и попасть на эту съездъ? Примкнуть къ чужому теченію онъ не могъ, и онъ основалъ собственное третье теченіе, “болото”, какъ его называли. Въ качествѣ лидера этого третьяго теченія, онъ отныне выступалъ на създахъ и конференціяхъ, не смущаясь, если ему приходилось быть ея единственнымъ представителемъ. Мартовъ какъ-то позднѣе, уже во время войны, выразился о немъ, что онъ всюду приходитъ со своимъ собственнымъ складнымъ стуломъ.

Въ 1908 году я очутился въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Нью-Йоркѣ. До 1912 года свѣдѣнія мои о Троцкомъ были очень скучны. Партия въ это время переживала періодъ разлагающаго застоя. Въ ней даже развилось особое теченіе, имѣвшее сторонниковъ среди очень видныхъ представителей ея, требовавшихъ ликвидациіи партіи. Это былъ періодъ “ликвидаторства”.

Троцкому, большевику по духу, меньшевику по организаціоннымъ связямъ, въ качествѣ “лидера” третьяго теченія, легко было, въ этой нездоровой обстановкѣ, занять положеніе примирителя и объединителя. Онъ издавалъ въ Вѣнѣ свою собственную газетку “Правда”, где онъ проводилъ свои собственные “треты” идеи... Миѣ при-

ходилось читать "Правду", но особую идею миѣ выудить тамъ никакъ не удалось.

Въ 1912 году нью-йоркская организація русскихъ соціальдемократовъ стала выпускать свою газету "Новый Миръ". Въ качествѣ редактора былъ изъ Парижа приглашенъ Л. Г. Дейчъ.

Однажды Л. Г. Дейчъ вручилъ миѣ письмо, полученное для меня на адресъ редакціи изъ Парижа. Оно было отъ Троцкаго.

Не могу скрыть, что я ему очень обрадовался. Прежде, чѣмъ я успѣлъ вскрыть его, на меня повѣяло чѣмъ-то близкимъ, роднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ушедшимъ куда-то въ грустную даль.

Содержаніе письма меня, однако, въ значительной степени разочаровало. Оно было коротко и написано въ очень сдержанномъ тонаѣ. Отъ письма у меня получилось такое впечатлѣніе, что Троцкій боялся, какъ бы не очутиться въ объятіяхъ совершиенно чужого человѣка или еще большие, чтобы дружески протянутая рука не повисла въ воздухѣ безъ отвѣтнаго пожатія: вѣдь мы такъ давно не видѣлись, и онъ обо миѣ дающъ ничего не слыхалъ. Въ одномъ мѣстѣ письма онъ прямо такъ и спрашивается: не "американизировался" ли я (онять намекъ на пресловутую "измѣну"). Не сообщая о себѣ ровно ничего, онъ просить меня подробно сообщить о себѣ, оставляя, повидимому, за собою право поступить въ дальнѣйшемъ со мною въ зависимости отъ моего отвѣта.

Что побудило его написать это письмо: потребность ли возобновить старыя дружескія отношенія, или какое-либо другое соображеніе, миѣ трудно было тогда решить. Позже, когда онъ прѣѣхалъ въ Америку, въ бесѣдѣ со мной, онъ сообщилъ миѣ, что какъ-то написалъ (судя по всему, это было около того времени, когда онъ написалъ миѣ) письмо Францу Шингловскому. Но, совершиенно неожиданно и къ величайшему своему изумленію, получилъ отъ него такой грубый отпоръ, что о продолженіи переписки не могло быть и рѣчи.

Для меня, хорошо знавшаго благородство, чуткость и деликатность Франца, такое его поведеніе было совершиенно неопытно, въ особенности по отношенію къ человѣку, съ которымъ онъ былъ такъ близокъ и друженъ. Когда же я про себя сопоставилъ исторію этого письма съ письмомъ Троцкаго ко миѣ, миѣ стало ясно, что Троцкій

чего-то не договариваеть. Очень возможно, что въ письмѣ своемъ къ Францу (также, вѣроятно, предусмотрительно сдержанномъ и холодномъ) онъ еще рѣзче, чѣмъ въ письмѣ ко мнѣ, намекнулъ ему обѣ “измѣнѣ”.

Встрѣтивъ Франца, уже по приѣздѣ въ Россію, въ 1918 г., я спросилъ его обѣ этомъ письмѣ. Точно содер-жанія письма Троцкаго онъ не помнилъ. Онъ помнилъ только, что оно было написано въ такомъ оскорбительномъ духѣ, что другого отвѣта, кромѣ того, который онъ ему далъ, оно не заслуживало.

Я не сомнѣваюсь, что у Троцкаго не было намѣренія въ письмѣ къ Францу оскорбить послѣдняго, какъ у него не было намѣренія оскорбить меня. Я склоненъ думать, что письмомъ къ Францу, какъ и письмомъ ко мнѣ, онъ искренно хотѣлъ возобновить дружескія отношенія. Но не обладая ни чуткостью, ни деликатностью, ни благородствомъ Франца, онъ, въ эгоистическомъ стремленіи обезопасить себя отъ возможности непріятнаго для его гипертрофированного самолюбія отпора, слишкомъ перегнувшись налѣво въ противоположную сторону и добился, — какъ это часто въ такихъ случаяхъ бываетъ, — какъ разъ того, чего такъ старательно хотѣлъ избѣгнуть. Что касается меня, то я, съ одной стороны, очень хотѣлъ отвѣтить Троцкому и завязать съ нимъ переписку; съ другой стороны, какой то непріятный осадокъ отъ письма меня каждый разъ удерживалъ. И я такъ ему и не отвѣтилъ. Возможно, что это было записано мнѣ въ пасивѣ не менѣе, чѣмъ Францу его “грубый” отпоръ.

Я считалъ нужнымъ остановиться на этомъ незначи-тельномъ по себѣ эпизодѣ потому, что онъ характеризуетъ Троцкаго, какъ друга. Какъ бы Троцкій ни былъ при-вязанъ къ другу, онъ никогда не является для него само-цѣлью. Другъ существуетъ для него и цѣненъ только до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе даетъ возможность для проявленія его (Троцкаго) индивидуальности. Онъ, дѣй-ствительно, любить его, привязанъ къ нему, и пр. Какъ самостоятельная индивидуальность, виѣ указанной слу-жебной роли, другъ не имѣеть для него значенія. Поэтому, какъ только другъ пересталъ играть эту роль, дружба сразу отпадаетъ, какъ будто ея никогда не было, безъ всякой внутренней борьбы, безъ трагическихъ пережи-ваний.

Онъ говорилъ о разрывѣ съ Францомъ такъ легко,

какъ о совершеню чужомъ, съ которыми онъ никогда не былъ близокъ; то же онъ проявилъ по отношенію ко мнѣ послѣ моей критики его брошюры въ Домѣ Предварительнаго Заключенія; то же было по отношенію къ Дейчу; къ женѣ, Александрѣ Соколовской, которую онъ оставилъ съ двумя дѣтьми, съ легкостью прямо изумительной, и т. д., и т. д.

Глава девятая.

В О Й Н А.

Троцкій въ Цюрихѣ и Парижѣ. — Парижскій “Голосъ” и “Наше Слово”. — “Интернационализмъ” и пораженчество. — Полемика съ оборонцами. — Арестъ и высылка Троцкаго изъ предѣловъ Франціи.

Прошло два года. Въ 1914 году вспыхнула война, раздѣлившая почти всю Европу на два враждующихъ лагеря. Но и нейтральные страны, естественно, никоимъ образомъ не могли оставаться равнодушными къ исходу войны и, болѣе или менѣе откровенно, становились на ту или другую сторону.

Населеніе пейтральныхъ Соединенныхъ Штатовъ въ громадномъ большинствѣ было рѣшительно на сторонѣ Англіи и ея союзниковъ.

На сторонѣ Центральныхъ Державъ были, главнымъ образомъ, патріотически настроенные выходцы изъ Германіи и Австро-Венгріи, въ томъ числѣ многочисленные въ Америкѣ галиційские евреи. Массы этихъ выходцевъ, не способные стать на болѣе широкую общую точку зрѣнія, естественно желали побѣды своей родинѣ.

Но были и такие, которые сочувствовали Центральнымъ Державамъ только потому, что желали пораженія своей родинѣ. Къ нимъ принадлежали ирландцы, всегда имѣвшіе зубъ противъ Англіи; а также выходцы изъ Россіи, большинство которыхъ эмигрировало въ Америку въ поискахъ за убѣжищемъ отъ политического и національного гнета на родинѣ. Они были проникнуты ненавистью къ деспотическому русскому правительству, которое они, въ своемъ невѣжествѣ, смѣшивали съ Россіей. И потому они, естественно, желали Россіи пораженія и всяческихъ бѣдъ, и питали враждебныя чувства къ связавшимся съ нею Англіи и Франціи.

Газеты, заботясь, главнымъ образомъ, о тиражѣ, отражали настроение своихъ читателей. Громадное большинство ихъ было на сторонѣ Англіи, Франціи и пр. Тѣ же, главный контингентъ читателей которыхъ составляли иѣмцы, ирландцы или пораженчески настроенные русскѣе выходцы, были за побѣду Германіи и ея союзниковъ.

Соціалистическая газеты, большинство читателей которыхъ были тѣ же иѣмцы и выходцы изъ Россіи, были настроены рѣзко германофильски. Таковъ былъ англійский "Колль", иѣмецкій "Фолкесайтунгъ", русскій "Новый Миръ". Такою же была газета "Русское Слово", редактировавшаяся тогда Иваномъ Окунцовымъ.

Особенно въ этомъ отношеніи отличалась еврейская соціалистическая газета "Форвертсъ". Эта газета всегда имѣла неѣ типичныя черты желтой газеты. Ростъ тиража всегда былъ основной цѣлью и предметомъ гордости ея редактора Абрама Кагана, который даже хвастался этимъ въ своихъ передовицахъ.

"Форвертсъ" сначала занялъ было позицію сочувствія Англіи и ея союзникамъ. Но, увидѣвъ, что его конкурентъ ("Варгайтъ") потерпѣлъ крахъ вслѣдствіи такой политики, въ короткій срокъ, потерявъ большинство своихъ галиційскихъ читателей, — онъ быстро повернуль фронть. Вѣдь его читатели тоже наполовину состояли изъ галиційскихъ евреевъ, а другую половину составляли русскіе эмигранты, враждебно настроенные къ царскому правительству. Эта газета не только открыто заняла германофильскую позицію, но и въ шумно крикливыхъ сообщеніяхъ своихъ приблѣгала къ прѣемамъ, свойственнымъ желтой шовинистической прессѣ самаго низкаго пошиба, съ рекламируемъ восхваленіемъ "геройскихъ" подвиговъ германскихъ войскъ, командировъ, отдѣльныхъ солдатъ и чиновниковъ, и всяческою хулкою на такого же рода подвиги противной стороны.

Въ 1916 году Л. Г. Дейчъ, давно устранимый отъ редактированія "Нового Мира", сталъ издавать ежемѣсячный журналъ "Свободное Слово", въ которомъ послѣдовательно развивалъ точку зрѣнія соціалистовъ, оставшихся вѣришими своимъ освободительнымъ тенденціямъ; онъ рѣшительно и со всею энергией возставалъ противъ германофильства мѣстныхъ соціалистическихъ изданій, все равно, принадлежали ли они къ откровеннымъ пораженцамъ, въ

духъ Ленина, или прикрывали свое германофильтво благозвучной кличкой “интернационалистовъ”.

Хотя редакція “Свободнаго Слова” въ первой программной статьѣ вполнѣ ясно и определено высказала свою точку зрѣнія, она тѣмъ не менѣе тамъ же объявила, что въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопроса, она открываетъ свои страницы также для товарищѣй изъ лагеря “интернационалистовъ”*).

Троцкому, Мартову и другимъ съ этой цѣлью посланы формальныя приглашенія. Никто, однако, кроме В. Мандельберга, члена 2-ой Государственной Думы, не откликнулся. Мартовъ прислалъ отказъ. Троцкій не удостоилъ даже отвѣта.

Троцкаго война застала въ Австріи. Еще въ самомъ началѣ войны, онъ написалъ брошюру на нѣмецкомъ языкѣ, изданную въ Цюрихѣ, подъ названіемъ “Война и Интернационалъ”. Послѣ объявленія войны, онъ, какъ русскій подданный, былъ высланъ изъ предѣловъ Австріи, и поселился сначала въ Цюрихѣ, а потомъ въ Парижѣ.

Тамъ, въ то время, когда нѣмцы вели свое усиленное наступленіе и когда они грозили овладѣть Парижемъ, Троцкій въ самомъ Парижѣ, подъ охраной французскихъ штыковъ, въ своей газетѣ “Голосъ” (скорѣе маленькая листовка, чѣмъ газета), не переставая, обливалъ грязью французское правительство и союзниковъ. Изливая на нихъ потоки фанатической злобы, онъ не оставлялъ безъ придиличныхъ нападковъ самого малѣйшаго дѣйствительнаго или мнимаго промаха этихъ правительствъ, въ то время, какъ самые возмутительные акты германскаго и австрійскаго правительства самымъ страннымъ образомъ совершенно замалчивались имъ.

Варварское потопленіе “Лузитаніі”, при которомъ погибли тысячи женщинъ и дѣтей, вызвало, какъ извѣстно, бурю негодованія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Даже желтый шовинистически-германофильтвой “Форвертсъ” не счелъ возможнымъ не помѣстить нѣсколько обширныхъ статей, выражавшихъ возмущеніе этимъ актомъ.

*) Тогда еще не было полнаго разрыва съ ними. И группа “интернационалистовъ” еще рѣзко отдѣляла себя отъ пораженцевъ, возглавляемыхъ Ленинымъ, который заявилъ, что Троцкій, въ сущности, такой же предатель, какъ и Плехановъ.

Въ газетѣ Троцкаго это событіе было обойдено самимъ полнымъ молчаніемъ.

На небольшомъ пространствѣ этой маленькой газетки Троцкій не уставалъ, бія себѣ въ грудь, грубить о своемъ "интернаціонализмѣ" и клеймить "поплаго" Плеханова и другихъ "предателей" изъ того же лагеря, осмѣлившихся отстаивать еретическую идею о правѣ всякаго народа на самозащиту въ случаѣ нападенія на него. Въ то же время, онъ такъ явно на каждомъ шагу проявлялъ свою болѣе, чѣмъ нѣжную терпимость къ слишкомъ "интернаціоналистическимъ" наклонностямъ Вильгельма и его союзниковъ, что приходилось невольно только руками разводить.

И Дейчъ, однажды, подъ вліяніемъ только что прочитаннаго свѣжаго номера газетки Троцкаго, весь киня негодованіемъ, воскликнулъ: "Если бы я лично не зналъ Троцкаго, я бы не сомнѣвался въ томъ, что онъ подкупленъ германскимъ правительствомъ".

Такъ какъ упомянутая выше брошюра Троцкаго "Война и Интернаціональ" была единственнымъ имѣвшимся тогда въ наимѣнѣ распоряженіи литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ болѣе или менѣе полно излагалась вся несложная премудрость "интернаціонализма", то Дейчъ счѣлъ полезнымъ дать своимъ читателямъ понятіе о ней, тѣмъ болѣе, что сами "интернаціоналисты" наотрезъ отказались познакомить читателей "Свободнаго Слова" со своей точкой зрѣнія, хотя изъ шовинистической, откровенно-германофильской "Форнертѣѣ" они охотно сотрудничали (и Троцкій, и Мартовъ, и вся братія). Написать соотвѣтственную статью Дейчъ поручилъ міфъ, въ результатѣ чего въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала появилась моя библіографическая замѣтка обѣ этой брошюрѣ.

Троцкій, считавшій ниже своего "интернаціонального" достоинства сотрудничать въ такомъ журнале, какъ "Свободное Слово", тѣмъ не менѣе, счѣлъ, новому, своимъ публицистическимъ долгомъ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдить за нимъ.

Газетка Троцкаго, вообще не отличавшаяся разборчивостью въ выборѣ средствъ борьбы и болѣе, чѣмъ беззаботно относившаяся къ элементарнымъ требованіямъ чистоты литературныхъ приемовъ, — совсѣмъ уже распоряжалась, когда тѣло касалось маленькаго, но тѣмъ болѣе

ненавистного далекого американского журнала. Получалось впечатление, будто Троцкий лично мстил за что-то редакции и ея главу Дейчу, съ которымъ онъ до самаго недавняго времени былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и которому очень многимъ былъ обязанъ.

Ничто въ этомъ журналѣ не ускользало отъ зоркаго ищущаго вниманія Троцкаго и его вѣрныхъ помощниковъ-сотрудниковъ.

Все подвергалось самому строгому "критическому" разбору: статьи, статейки, скромная библиографическая замѣтка Дейча о выходѣ первого тома "Исторіи общественной мысли въ Россії" Плеханова, даже объявленія. Ничего не пропускалось, и все подвергалось самому тщательному глумлению и оплевыванию.

Одного, казалось, въ "Нашемъ Словѣ" упорно не хотѣли замѣтить: моей библиографической замѣтки о брошюре Троцкаго. Дейчъ уже подтрунивалъ надо мною по этому поводу.

Прошло три мѣсяца, и вдругъ неожиданно-длинная статья, озаглавленная "Война и Интернациональ", или что-то въ этомъ родѣ (заглавія такихъ статей также однобразны и несложны, какъ и сама идея "Интернационализма"), подписанная Троцкимъ и цѣликомъ направленная противъ моей замѣтки; но на этотъ разъ не въ парижскомъ "Нашемъ Словѣ"**), а въ нью-йоркскомъ "Новомъ Мирѣ".

За этой длинной статьей послѣдовали другая, третья и четвертая, — все о той же небольшой библиографической замѣткѣ.

Всѣ четыре статьи представляли сплошной наборъ изысканныхъ ругательствъ по моему адресу, безъ малѣйшей попытки привести хотя бы самую короткую цитату изъ моей замѣтки для характеристики моихъ наивныхъ и глупыхъ пополновений провинциального дилетанта въ области литературныхъ упражненій, осмѣлившагося выступить противъ признанного корифея русской публицистики.

Въ своей парижской газетѣ Троцкий попрежнему неутомимо продолжалъ заполнять двѣ маленькия странички, имѣвшіяся въ его распоряженіи, нападками на францу-

**) "Наше Слово" заняло мѣсто закрытаго французскимъ правительствомъ "Голоса".

зовь и союзниковъ, и также упорно замалчивать дѣяпія Германиіи и ея союзниковъ. Оставалось только удивляться тому, какъ французское правительство терпѣло у себя такую занозу, хотя и маленькую, но отъ того не менѣе назойливую.

Наконецъ, чаша его терпѣнія переполнилась, и газетка была окончательно закрыта, а Троцкій былъ арестованъ.

Его выслали изъ предѣловъ Франціи, и онъ попалъ въ Испанію. Правительство Испаніи, — возможно подъ давленіемъ французскаго, — также не пожелало имѣть его у себя на свободѣ, и ему грозила ссылка чуть ли не въ Новую Кaledонію. Благодаря вмѣшательству американскихъ соціалистовъ, ему были высланы деньги на дорогу, и онъ прѣѣхалъ въ Нью-Йоркъ.

Глава десятая.

ВЪ АМЕРИКЪ.

Митингъ-встрѣча въ Нью-Йоркѣ. — Рѣчи о "немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій на фронтахъ". — "Реакціонная имперіалистическая Альтанта" и "прогрессивная" Германія. — Грядущая "мировая революція".

Какъ только стало извѣстно, что Троцкій приѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ, мѣстныя соціалистическія газеты начали кампанію подготовки и обработки публики для достойной встрѣчи гостя.

Обстоятельства были болѣе, чѣмъ благопріятны для того, чтобы провести эту кампанію въ чисто американскомъ масштабѣ и размѣрахъ: старый борецъ за свободу и демократію Россіи (Троцкій тогда еще былъ сторонникомъ свободы и демократіи), соціалистъ и революціонеръ, изгнанный изъ Австріи, недопущенный въ Германію, преслѣдуемый во Франціи и Испаніи, подвергшійся травлѣ во всей Европѣ за свою горячую и самоотверженную преданность идеѣ мира, — чего больше надо для анти-милитаристически настроенныхъ читателей соціалистическихъ газетъ, каждый день подогревавшихъ энтузіазмъ своихъ читателей все новыми свѣдѣніями о прежней и теперешней дѣятельности Троцкаго.

Не только "Форвертсъ", "Новый Міръ" и "Колль" были полны статьями о немъ, но и кой-гдѣ въ буржуазной прессѣ появились благожелательныя замѣтки объ ожидаемомъ гостѣ: вѣдь онъ былъ не только анти-милитаристомъ, но и дѣятельнымъ участникомъ борьбы за русскую свободу, къ которой въ Америкѣ всегда относились съ большимъ сочувствіемъ.

Прежде, чѣмъ Троцкій успѣлъ ступить на американскую почву, опытные интервьюэры отъ мѣстныхъ газетъ поспѣшили учинить ему самый строгій допросъ о прежней и теперешней жизни, о политическихъ взглядахъ, идеяхъ,

планахъ, — обо всемъ, что ему хорошо известно, мало известно, совсѣмъ неизвѣстно и не можетъ быть известнымъ.

На другой день въ соціалистическихъ газетахъ появились подробные отчеты объ этихъ интервью. "Форвертсъ" помѣстилъ самую большую статью, заполнивъ ею чутъ не полстраницы обширнаго формата. На слѣдующий день появилось продолженіе и т. д., и т. д.

На одномъ изъ такихъ интервью Троцкій, осажденный полудюжиною интервьюеровъ, польщенный такимъ неожиданнымъ пріемомъ и помной, замѣтилъ: "Никогда на самомъ строгомъ допросѣ жандармовъ я такъ не потѣль, какъ теперь, подъ перекрестьемъ огнемъ этихъ специалистовъ своего дѣла".

Въ газетахъ помѣщались его портреты, старые и только что схваченные въ разныхъ позахъ и положеніяхъ.

Вскрѣ по приѣздѣ Троцкаго въ Нью-Йоркъ въ честь его былъ устроенъ, такъ называемый, Reception Meeting въ "Куперъ Йюніонъ".

Понятно, митингъ этотъ всячески рекламировался предварительно и въ статьяхъ и въ объявленіяхъ съ чисто американскимъ размахомъ и шумомъ.

Я, конечно, рѣшилъ пойти на этотъ митингъ. Хотя я принадлежу къ значительнымъ опозданиемъ, спаради, вопреки ожиданію, не было никакой толпы, залъ былъ почти пустъ, и я могъ занять мѣсто въ одномъ изъ переднихъ рядовъ.

Я помню такое собраніе въ этомъ самомъ залѣ въ 1912 году, когда такой же Reception Meeting былъ устроенъ въ честь Дейча. Задолго до часа, объявленнаго для начала митинга, залъ былъ переполненъ. Не только вся платформа на сценѣ, всѣ сидѣнія въ амфитеатрѣ и всѣ проходы были заняты, — было занято все пространство позади сидѣній, между сидѣніями и сценой, даже на подоконникахъ; гдѣ только можно было опереться ногой, стоять человѣкъ. Такъ широко популярно было имя Дейча, привѣтствованаго для скромнаго дѣла редактированія маленькой русской газеты.

Теперь же самой искусной рекламы, съ игрой на самыя чувствительныя струны эмигрантской массы, очевидно, оказалось недостаточно для того, чтобы за ночь создать популярность человѣку, жившему до этого далеко за океаномъ и до сихъ порь громадному большинству, занол-

ияющему обыкновенно залы такихъ митинговъ, совершен-
но неизвѣстному.

Залъ наполнялся очень медленно, и собраніе при-
шлось открыть при наполовину пустомъ залѣ, послѣ того,
какъ время, назначенное для начала, давно прошло.

Опять, въ полномъ согласіи съ установленнымъ обы-
чаемъ, прежде, чѣмъ было дано слово Троцкому, выступило
множество ораторовъ, на разныхъ языкахъ изощрявшихся
въ дифирамбахъ высокому гостю, но особенно надрывался
представитель редакціи нѣмецкой соціалистической газеты
Лоре, который рвалъ и металъ (онъ былъ, конечно, "ин-
тернаціоналистомъ") и желалъ побѣды нѣмцамъ) и изъ
кожи лѣзъ, чтобы возможно выше превознести "нашего
дорогого учителя", совершенно забывая, что, по крайней
мѣрѣ, три четверти собранія, незнавшаго нѣмецкаго язы-
ка, его совсѣмъ не понимало.

Какъ Троцкій, писавшій по-русски, могъ стать учи-
телемъ нѣмца Лоре, русскаго языка совсѣмъ не знавшаго.
и какіе ученые труды, хотя бы на русскомъ языке, имѣлъ
въ виду усердный дифирамбистъ, такъ и осталось его лич-
ной тайной. Неужели брошюра "Война и Интернаціо-
налъ" такъ просвѣтила неприхотливаго ученаго редак-
тора?

Когда публика была въ достаточной мѣрѣ утомлена
этой нестройной многоязычной арміей ораторовъ, высту-
пилъ самъ виновникъ торжества Троцкій, встрѣченный
дружными аплодисментами.

Извѣстно, что въ Америкѣ популярность оратора из-
мѣряется промежуткомъ времени, втеченіе котораго ему
мѣшаютъ начать его рѣчь болѣе или менѣе неистовыми
выраженіями любви,уваженія и преклоненія: аплодис-
ментами, свистомъ, топаньемъ ногъ и т. п. очень неслож-
ными, но оттого не менѣе шумными пріемами.

Это называется "cheering".

Неизвѣстно, сколько времени продолжался бы "cheer-
ing" въ честь Троцкаго, если бы онъ, не успѣвъ еще приоб-
рѣсти вкуса къ американскимъ угощеніямъ, рѣзко не пре-
сѣкъ его въ самомъ началѣ явными знаками нетерпѣнія,
и не началъ свою рѣчь, не взирая на самый разгаръ аппло-
дисментовъ, послѣ того какъ знаки нетерпѣнія не произ-
вели должнаго эффекта.

Публика моментально присмирѣла.

Трудно высказывать сужденіе объ ораторскихъ до-

стоиствахъ противника. Тѣмъ не менѣе, я долженъ со-
знаться, что эта рѣчь Троцкаго произвела на меня очень
сильное впечатлѣніе, просто съ художественной стороны.
Слушая его, я испытывалъ истинное эстетическое наслад-
женіе, цѣльное, несмотря на то, что я рѣшительно отвер-
галъ всю идею, на которой она была построена. Это былъ
образецъ ораторскаго искусства.

Я слушалъ его много разъ послѣ этого. То были иногда
рѣчи посредственныя, были хороши, были и очень хо-
рошія. Но такой, какъ эта, я больше не слыхалъ. Троц-
кій, несомнѣнно, къ ней тщательно подготовился, на что
имѣлъ рѣдкую возможность; и подготовился такъ, какъ
онъ къ другимъ рѣчамъ несомнѣнно не готовился и не могъ
готовиться. Эта рѣчь была лишена грубо демагогиче-
скихъ пріемовъ воздействиія на слушателей, по крайней
мѣрѣ, такихъ для культурнаго слуха явныхъ, которые мы
съ правомъ можемъ назвать демагогическими: благодаря
тема дѣлала ихъ совершенію излишними. Онъ подавлялъ
слушателей массой фактovъ, рисующихъ реальные ужасы
войны и непоправимыя разрушенія, материальныя и ду-
ховныя, которыя она приносить сейчасъ и которыми, въ
еще большей степени, она неизбѣжно грозитъ намъ въ бу-
дущемъ.

Онъ приводилъ своихъ читателей въ трепетъ, съ
ужасомъ сообщая имъ, что Парижъ съ 6-ти часовъ вечера
погружается въ мракъ. И не изъ боязни германскихъ
цепелиновъ, — въ горячемъ пафосѣ выкрикивалъ онъ. —
а потому, что, въ своей экономической деградації, Фран-
ція уже дошла до того, что у нея не хватаетъ угля; и
женщины съ мѣшками ходятъ по улицамъ, собирая осы-
павшіеся кусочки угля для того, чтобы согрѣть своихъ
озябшихъ дѣтей и сварить имъ немногого теплой пищи...

А моральная деградація. Французское правительство,
ради побѣды во что бы то ни стало (это было время апо-
гей побѣды Германии), въ полномъ согласіи со своими не
менѣе варварскими союзниками, не останавливаются пе-
редъ тѣмъ, чтобы для спасенія цивилизациі, послать
противъ нѣмцевъ африканскихъ чернокожихъ дикарей,
въ ранцахъ которыхъ (тутъ негодующій пафосъ Троц-
каго достигъ высшаго напряженія) находили от-
рѣзанныя уши и французскихъ солдатъ.

Дальше моральное одиchanіе, вызываемое войной, идти
не можетъ. Онъ подавлялъ аудиторію обильемъ фактovъ,

одинъ ужаснѣе другого. И его горячее негодованіе и благородный пафосъ передавались слушателямъ; и, наэлектризованные его краснорѣчиемъ, они проникались искреннимъ возмущеніемъ противъ французского правительства и его союзниковъ, ведущихъ Европу къ такимъ ужасамъ экономического, соціального и моральнаго разложения.

Правда, всѣ эти ужасы, при всей ихъ дѣйствительной колоссальности, только певинная дѣтская игра въ сравненіи съ ужасами и деградацией, вызванными безконечной гражданской войной, разразившейся впослѣдствіи въ Россіи. Правда, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ искренности Троцкаго, когда вспоминаешь, что вдохновителями и руководителями этой гражданской войны являются именно Троцкій и его друзья, успѣвшіе стать у власти, и всякими правдами и неправдами старающіеся распространить священный пожаръ этой гражданской войны на всю Европу, которая съ трудомъ уже обрѣла, наконецъ, столь горячо желанный Троцкимъ миръ, и стремящіеся даже перекинуть этотъ пожаръ на весь остальной цивилизованный и нецивилизованный міръ, еще къ ужасамъ этой тлетворной деградаціи не пріобщенный.

Но слушатели его тогда всего этого не могли знать, точно такъ же, какъ не могли они знать о будущей коммунистически-цивилизаторской роли китайцевъ, и многихъ другихъ дѣлъ и вещей Троцкаго и его друзей, отъ которыхъ кровь стынетъ, и передъ которыми блѣднѣютъ самые вопіющіе ужасы войны, такими яркими красками изображенные Троцкимъ передъ его нью-йоркскими слушателями.

И потому художественная цѣльность ихъ впечатлѣнія ничуть нарушена не была, и триумфъ Троцкаго былъ полный. Эта часть рѣчи, касающаяся ужасовъ войны, была рѣшительно доминирующей, какъ по объему, такъ и по содержанию, какъ это мы всегда видѣли и до него у всѣхъ абстрактныхъ сторонниковъ мира во что бы то ни стало, назывались ли они "интернационалистами", антимилитаристами или нейтралитистами, безразлично.

Отличалась она отъ другихъ не новизною идеи, не глубиною мысли, а исключительно художественностью выполненія.

Разъ война такое ужасное зло, то ясно, что всякий соціалистъ долженъ рѣшительно и безоговорочно быть противъ нея. И тотъ, кто пріемлетъ войну, кто своимъ сознательнымъ участіемъ въ ней, въ той или иной формѣ,

въ той или иной, хотя самой малой и робкой мѣрѣ, такъ или иначе содѣйствуетъ продлению ея хотя бы на одинъ день, тотъ является измѣникомъ, предателемъ дѣла рабочаго класса. И у соціалистовъ, оставшихся вѣрными своимъ идеямъ, съ этими отщепенцами ничего общаго быть не можетъ; съ ними не можетъ быть никакихъ отношений, кромѣ отношений самой безнадѣйной борьбы, какъ съ отъявленными врагами рабочаго класса. Объ этомъ они считаютъ нужнымъ заявить съ самого начала, такъ какъ не хотятъ, чтобы на этотъ счетъ у кого-нибудь остались какія бы то ни было сомнѣнія. Это отмежеваніе отъ соціал-патріотовъ и предателей (они такъ рѣпнительно и прямо все время выражалася), какое бы высокое положеніе въ соціалистическомъ мірѣ они до этого ни занимали, какъ бы они ни назывались: Плехановъ, Вандервельде, Тома, Гедъ и т. п.—есть первое дѣло для всякаго честнаго соціалиста.

Какъ я ни былъ увлеченъ художественной стороной рѣчи, этотъ странный логический скачокъ отъ ужасовъ войны къ абстрактному, прекраснодушному, мышанскому-и-иаинициальному антимилитаризму quand même рѣшилъ мое ух.

Какъ бы тамъ ни было, но тутъ Троцкій не допускалъ никакихъ компромиссовъ и обрушился со всей силой свое- го краснорѣчія на французскаго соціалиста Тома и дру- гихъ, навсегда опозорившихъ себя тѣмъ, что вошли въ буржуазныя правительства обороны, признали войну, при- няли въ ней сознательное участіе и тѣмъ самыемъ взяли на себя отвѣтственность за всѣ изображенныя имъ экономи- ческие, соціальные и моральныя ужасы ея.

А когда онъ заговорилъ о томъ, какъ девять русскихъ волонтеровъ были разстрѣляны на фронтѣ за какое-то нарушение дисциплины, краснорѣчие его достигло наибольшей силы, и негодованію его не было предѣловъ. И пусть правительство французское не пытается свалить всю тяжесть этого отвратительного преступленія на воинскую фронтовую власти; оно цѣлкомъ отвѣтственно за него. И пусть Тома не утѣшаеть себя темъ, что онъ этого смертнаго приговора не подписалъ. Его материальной подпись можетъ быть, тамъ не было, но морально его имя выжжено тамъ позорными неизгладимыми буквами. И да будутъ прокляты тѣ соціалисты, которые и послѣ этого находятъ возможность протягивать руку такимъ соціалистамъ, какъ Тома, для какого бы то ни было совмѣстнаго дѣйствія. Тутъ онъ дошелъ до апогея; его бывшее, казалось, изъ самой

глубины души, бичующее негодование передалось всему собранию, напряженно слушавшему его съ затаеннымъ дыханиемъ.

Это было въ самомъ концѣ 1916 года, незадолго до того, какъ всхихнула Русская Революція. А въ началѣ 1918 года, Троцкій уже въ качествѣ фельдмаршала, а не скромнаго эмигранта, докладывалъ въ Москвѣ о нарушеніяхъ дисциплины въ подвѣдомственной ему арміи. Отъ былого пафоса и пасифистскаго негодованія не осталось и слѣда. Онъ спокойно и дѣловито, какъ подобаетъ человѣку на такомъ высокомъ и отвѣтственномъ посту, информировалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и, успокоительно, сообщалъ о томъ, что все обстоитъ благополучно и 10 нарушителей дисциплины арестованы; онъ мимоходомъ лишь, въ скобкахъ, какъ о маленькомъ досадномъ упущеніи, замѣтилъ: "Къ сожалѣнію они еще не казнены".

Но публика на Reception Meeting обѣ этомъ тогда, конечно, не могла знать, какъ она не могла знать, съ какой изумительной легкостью тотъ же Троцкій скоро послѣ этого казнилъ и убивалъ не девять, и не десятки и сотни провинившихся передъ нимъ солдатъ, и не только солдатъ, но и женъ и дѣтей и другихъ родственниковъ ихъ, если эти солдаты ускользали отъ кары... И потому цѣльность художественного впечатлѣнія опять ничуть нарушена не была.

Я съ нетерпѣніемъ слушалъ Троцкаго, все еще надѣясь услышать отъ него разъясненіе, почему это изъ несомнѣнныхъ ужасовъ войны слѣдуетъ, что бельгійцы, французы, сербы и пр. должны побросать оружіе передъ лицомъ побѣдоносно наступающей рати Вильгельма; и какія блага отъ этого могутъ послѣдовать, какъ для побѣженныхъ бельгійцевъ, французовъ, сербовъ, русскихъ, такъ и для народовъ, находящихся подъ властью правительства побѣдителей.

Отвѣтъ скоро не замедлилъ прийти.

Онъ былъ до нельзя простъ. Изображенные имъ ужасы войны такъ подавляюще колossalны, губительны и очевидны для всѣхъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рабочіе, больше всего на себѣ испытывавшіе эти ужасы, вернувшись съ фронта, ни одной минуты не смогутъ терпѣть тотъ политический и общественный строй, который породилъ эти ужасы. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что, придя домой, они немедленно всюду устроятъ возстанія противъ своихъ правительствъ

и сметутъ ихъ съ лица земли вмѣстѣ со всѣми ужасными буржуазными отношеніями, выразителями которыхъ эти правительства являются, и установить соціалистической строй.

Ужасы войны испытали рабочіе всѣхъ странъ, какъ побѣдительницъ, такъ и побѣждениыхъ. И потому вернувшіеся съ фронта рабочіе будутъ устраивать революцію всюду, все равно, побѣдило ли ихъ правительство или потерпѣло пораженіе.

У меня сразу открылись глаза, — миѣ все стало ясно. Разъ, вернувшись съ фронта, всѣ рабочіе неизбѣжно устроить соціалистическую революцію, то не все ли, въ самомъ дѣлѣ, равно, какая страна останется побѣдительницей.

Важна не побѣда, а скорѣйшее повсемѣстное возвращеніе съ фронтовъ. Такъ просто!

Ну, а если не устроятъ? Тогда... “Тогда”, заявилъ Троцкій, угрожающе потрясая кулакомъ въ воздухѣ, “тогда — я сдѣлаюсь мизантропомъ”. Такимъ образомъ, какъ видите, прочная гарантія была вполнѣ обеспечена.

“Немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій” вотъ что важно. А всякая “безъ анексій, контрибуцій” и прочія агитационныя привѣски, — это мелочи, необходимыя лишь, какъ приманка для того, чтобы вызвать необходимый уходъ съ фронта домой.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть значеніе всѣ эти вещи, разъ все общество, весь міръ, все равно будутъ перестраиваться на совершение новый ладъ, и вся карта Европы и всего міра будетъ заново перекраиваться въ полномъ согласіи съ программой, подробно и детально начертанной Троцкимъ въ его брошюре “Война и Интернационалъ”.

Нечего говорить, что рѣчь эта имѣла колоссальный успѣхъ.

Троцкій быстро приобрѣлъ популярность въ мѣстной русской колонії. Онъ скоро окончательно порвалъ съ “соціаль-патріотами”, устроившими его прѣѣздъ въ Америку и такъ радушно принявшими его.

Онъ сдѣлался редакторомъ “Нового Міра” и быстро превратилъ эту газету во второе изданіе “Нашего Слова”.

Время прѣѣзда Троцкаго въ Нью-Йоркъ совпало съ сезономъ баловъ, устраивавшихся въ это время въ несметномъ изобилии всѣми организаціями. И Троцкій былъ

весъма заманчивой приманкой для тѣхъ изъ организацій, которымъ удавалось залучить его въ качествѣ оратора на такой балѣ и, такимъ образомъ, значительно увеличить доходность предпріятія. Я видѣлъ и слушалъ его на многихъ балахъ.

Но столкнуться съ нимъ и говорить мнѣ не приходилось. Его рѣшительная и опредѣленная вступительная рѣчь отбивала всякую охоту къ этому. Да и вообще онъ держалъ себя очень недоступно. Онъ произносилъ рѣчь, вызывалъ должный энтузіазмъ, получалъ свою порцію триумфа и сходилъ съ кафедры; но не спускался въ толпу, не сливался съ нею, какъ старшій любящій и любимый товарищъ, а исчезалъ какъ-то въ высь, въ закулисныя облака, окруженный атмосферой высокомѣрнаго холоднаго отчужденія, которое, какъ толстая броня, отпугивала отъ него даже самыхъ горячихъ поклонниковъ его, разъ они не принадлежали къ партійнымъ и организаціоннымъ верхамъ.

Это бросалось въ глаза не только мнѣ, но и тѣмъ, кому удалось подойти къ нему поближе, за эту броню. Сотрудникъ одной газеты, которому было поручено важное и отвѣтственное дѣло интервьюировать Троцкаго при его пріѣздѣ, такъ подѣлился со мною своими впечатлѣніями: "Въ 1912 году я интервьюировалъ Л. Г. Дейча, когда онъ пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ для редактированія "Нового Мира". Какой контрастъ между нимъ и Троцкимъ! Въ то время, какъ Дейчъ весь сама простота, и съ нимъ съ первой же минуты чувствуешь себя, какъ съ равнымъ товарищемъ, несмотря на громадную разницу въ возрастѣ, въ присутствіи Троцкаго все время находишься, какъ бы передъ важнымъ сановникомъ, который ни на минуту не позволяетъ забыть о раздѣляющемъ васъ отъ него разстояніі".

Между тѣмъ Дейчъ, при пріѣздѣ своемъ въ 1912 году, былъ уже широко извѣстенъ, какъ старый русскій революціонеръ, побывавшій уже въ Америкѣ послѣ побѣга съ каторги, и какъ авторъ "16 лѣтъ въ Сибири", переведенныхъ чуть ли не на два десятка языковъ. И извѣстенъ онъ былъ не только среди соціалистической публики, но и среди всего остального населенія.

Троцкаго же до его изгнанія изъ Франціи несоціалистическая часть совсѣмъ не знала, а въ соціалистическомъ

міръ онъ хорошо былъ известенъ только узкому кругу русскихъ эмигрантовъ.

Но чѣмъ болѣе высокомѣро и отчуждено онъ держался, тѣмъ болѣе невольнаго благоговѣнаго почтения онъ вызывалъ къ себѣ. Тотъ самый сотрудникъ газеты, о которомъ я только что упомянулъ, однажды съ трудомъ скрываемой гордостью повѣдалъ мнѣ, что Троцкій обѣщалъ посѣтить его. Долженъ сознаться, что и мнѣ хотѣлось какъ-нибудь повидаться съ Троцкимъ, — слишкомъ ужъ много у насъ было общихъ старыхъ связей и воспоминаний, чтобы ихъ легко можно было игнорировать. “Когда у Васъ будетъ Троцкій, скажите, что я передаю привѣтъ ему”. Если бы у Троцкаго явилось желаніе повидаться со мною, ему легко было бы вызвать меня по телефону. Вызова, однако, не послѣдовало.

“Ну, что, былъ у Васъ Троцкій?” — спросилъ я на слѣдующій день. — “Да, я помню такого”, — это все, чѣмъ реагировалъ Троцкій на полученный черезъ сотрудника газеты привѣтъ отъ меня.

Прошло недѣли три со дня прїезда Троцкаго. Однажды подхожу къ телефону: “Это ты, Гриша? Узнаешь меня? Я — Троцкій”.

Оказалось, что онъ давно хотѣлъ видѣть меня, всячески разыскивалъ меня (при желаніи не было ничего легче, какъ найти меня). О моемъ присутствіи на балахъ, онъ узнавалъ, либо когда меня уже тамъ не было, либо послѣ того, какъ самъ уходилъ. Словомъ, онъ хочетъ со мною увидѣться и просить назначить удобное мѣсто и время.

Я пошелъ къ нему. Встрѣча наша была дружеская, хотя и не очень горячая. Неловкости никакой не чувствовалось, потому что мы оба, какъ бы по молчаливому уговору, избѣгали всякихъ разговоровъ на животрепещущія политическія темы (дѣло было еще до февральской революціи), у насъ былъ богатый матеріалъ для общенія и безъ нихъ. Отъ него я узналъ о судьбѣ многихъ друзей и товарищѣй, которыхъ я давно изъ виду потерялъ.

“Какъ Парвусъ?” (когда-то учитель и вдохновитель Троцкаго) — спросилъ я.

— Наживаешь двѣнадцатый миллионъ, — кратко отвѣтилъ Троцкій.

Я былъ у него еще несколько разъ. На политическія темы мы почти совсѣмъ не бесѣдовали. Однажды онъ какъ-

то сдѣлалъ замѣчаніе по поводу Плеханова, понятно, не совсѣмъ одобрительного свойства. “Значить, онъ контрреволюціонеръ, папа?” — спросилъ его одиннадцатилѣтній сынъ, стоявшій тутъ же и внимательно прислушивавшійся къ нашему разговору. Троцкій улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Онъ предложилъ мнѣ какъ-то сыграть въ шахматы, повидимому, считая себя хорошимъ шахматистомъ. Онъ обнаружилъ себя слабымъ игрокомъ, — проигралъ, чѣмъ былъ явно недоволенъ, и предложилъ немедленно сыграть другую партію. Выигравъ ее, онъ больше играть не wollte.

Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ характерно не только то, что Троцкій не хотѣлъ играть, разъ опасность проиграть, т. е. обнаружить превосходство противника, была велика, — но, еще болѣе, что Троцкій, при своей натурѣ не могъ научиться хорошо играть. Чтобы научиться хорошо играть въ шахматы, надо много играть съ превосходящими игроками т. е. проигрывать. Троцкій никогда себѣ этого позволить не могъ.

Я уже указалъ выше, что первая рѣчь Троцкаго открыла мнѣ глаза на смыслъ вкладываемый имъ въ повторяемый всѣми “интернационалистами” лозунгъ “немедленный миръ”. Мнѣ стало ясно, почему онъ такъ хочетъ немедленного прекращенія военныхъ дѣйствій, совершенно независимо отъ военной карты въ данный моментъ. Для меня только еще менѣе яснымъ стало послѣ этого, почему его симпатіи все-таки явно клонятся къ Германіи, и почему онъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ относится къ ея побѣдамъ.

Одна его лекція открыла мнѣ глаза и на эту сторону вопроса. Нарисовавъ въ этой лекціи картину того, какъ современное капиталистическое общество Европы и даже всего цивилизованнаго міра, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, идетъ все къ большему и большему объединенію, какъ это развитіе неизбѣжно ведетъ къ уничтоженію экономической независимости и самостоятельности отдѣльныхъ странъ, усиливая ихъ взаимную связь, онъ приходитъ къ правильному выводу, что все усиливающаяся прогрессивная связь и зависимость между цивилизованными странами, неизбѣжно влечетъ за собой и необходимость политического объединенія. И всякия попытки отстоять

политическую независимость и самостоятельность той или иной страны, — будь то Бельгія, Сербія, Австрія, Франція или Россія — цеизбѣжно будутъ политическо, а, стало быть, и соціально, реакціонными. И потому всякия разглагольствованія объ оборонѣ являются въ высшей степени вредными и реакціонными. “Соціаль-патріоты” же своими идеями о защите данного отечества сбиваются только массы съ правильного пути, удерживая ихъ отъ того, чтобы они поскорѣе бросали оружіе.

Только одна изъ всѣхъ воюющихъ странъ, по размаху своего капиталистического развитія, ушла такъ далеко и обладаетъ такими колоссальными экономическими, духовными и культурными ресурсами, что она единственная, можетъ быть, смогла бы, въ случаѣ побѣды, насильственно сверху осуществить это объединеніе всего цивилизованнаго міра и, такимъ образомъ, сыграть весьма прогрессивную роль. Эта страна — Германія.

Троцкій выражался очень осторожно. Очевидно, онъ боялся болѣе определено высказываться, чтобы какъ-нибудь слишкомъ открыто не обнаружить вытекающее отсюда его германофильское пристрастіе. Я съ напряженіемъ вслушивался въ его рѣчь, чтобы уловить и не потерять основную нить его разсужденій. Сдѣлать прямые выводы изъ этой идеи и высказать ихъ съ полною определенностью у него не могло быть сильного желанія по весьма понятнымъ причинамъ: онъ тогда находился въ алогіѣ своихъ надеждъ осуществить это объединеніе другимъ путемъ, путемъ революціи и восстаний въ отдельныхъ странахъ. Идею германского завоеванія онъ пряталъ, — можетъ быть, и отъ самого себя, — на задачѣ своей психики, какъ резервъ, какъ запасной планъ на тотъ случай, если первый путь потерпить крахъ.

Какъ опытный стратегъ, онъ не могъ, конечно, распространяться о перспективахъ малойБройтиаго, по его мнѣнію, пораженія, чтобы не мышать возможной еще побѣдѣ. “Методъ буржуазіи въ решеніи избрѣвшихъ вопросы между государствами, это война, методъ пролетариата — это революція”, авторитетно заявляетъ онъ въ своей брошюрѣ “Война и Интернационалъ”. Какъ “революционеръ”, онъ предпочитаетъ второй методъ, и только, при провалѣ его, соглашается на первый методъ, методъ завоеванія міра деспотической Германіей.

Послѣ заключенія въ Брестѣ мира съ деспотической

Германіей, очень беззастѣнчиво давшой почувствовать свою тяжелую лапу, большевики, нѣкоторое время чувствовали себя немного ошеломленными. Не только виѣшнее, но и внутреннее положеніе было таково, что отнюдь не располагало большевиковъ къ радужнымъ мыслямъ на счетъ ближайшаго будущаго. Настроеніе у новыхъ господъ Россіи было довольно мрачное. И вотъ, когда стали приходить свѣдѣнія о томъ, что Японія, съ согласіемъ своихъ союзниковъ, готовится къ нашествію на Совѣтскую Россію, Троцкій въ печати заявилъ: “Если намъ будетъ грозить нашествіе имперіалистовъ Антанты, мы заключимъ наступательно-оборонительный союзъ съ Германіей (правительство Вильгельма тогда, только что сокрушивъ Россію, еще вело побѣдительную войну съ державами Согласія), какъ съ болѣе прогрессивной имперіалистической страной проптивъ болѣе реакціонной Антанты.

Тщательно скрываемая отъ себя и другихъ резервная идея германского завоеванія изъ психическихъ задворковъ, начала, такимъ образомъ, выступать на передний планъ и принимать реальный обликъ.

Возвращаясь, иногда, вмѣстѣ со мной съ лекціи, Троцкій удостаивалъ меня своимъ вниманіемъ и, покровительственно похлопывая меня по плечу, обращался къ сопровождавшей его небольшой свитѣ: “Это мой старый другъ, которому надо только мѣсяца два побывать во Франціи, чтобы стать хорошимъ соціалистомъ”.

Однажды, воспользовавшись тѣмъ, что мы были одни, я сталъ интервьюировать его относительно нѣкоторыхъ его нью-йоркскихъ сотрудниковъ—“интернаціоналистовъ”. Былъ среди нихъ нѣкій Семковъ, человѣкъ малограмотный, но отъ природы надѣленный громкимъ голосомъ и чрезвычайно “революціонной” манерой рѣчи. Онъ обладалъ какою-то исключительной способностью безъ передышки сыпать втеченіе любого периода времени фразами отборного “революціоннаго” качества, хотя безъ всякой внутренней связи и какого бы то ни было отношенія другъ къ другу. Какъ для человѣка совершенно невѣжественнаго, для него совсѣмъ не было трудныхъ темъ или вопросовъ, и все ему было понятно и ясно. Его никогда нельзя было застать врасплохъ. Онъ всегда и во всякий моментъ былъ готовъ “возражать” по всякому вопросу, по всякому поводу и во всякомъ мѣстѣ. Его изступленныя

выступлений производили такое впечатление, какъ-будто, отираясь изъ дома на собрание, онъ, вмѣстѣ съ панировками и спичками, насилъ и виновахъ набивалъ карманы также первыми попавшими фразами изъ катехизиса Ленина и Троцкаго. А приди на собрание, не выслушавъ даже толкомъ противнаго оратора, посѣщению выворачивалъ карманы и выссыпалъ весь этотъ хламъ: фразы, изломанныя, исконерканныя, искрощенные, безъ началь, безъ концовъ, серединъ, по за то неизмѣнило надавливіе съ тѣмъ болѣе оглушительнымъ "революціоннымъ" звономъ, и неизмѣнило доставлявшій ихъ автору колоссальный успѣхъ въ "интернационалистическихъ" сферахъ, и онъ считался незамѣнимымъ цѣннымъ работникомъ. Вотъ обѣ этой то либѣдѣ я, не безъ ехидства, спросилъ Троцкаго.

"Что бы тамъ ни было", — отчеканивая своимъ излюбленнымъ манеромъ слова, отиѣтиль Троцкій, ни на минуту не задумавшись, — "когда надо будетъ, Семковъ будетъ тамъ, гдѣ надо, а вотъ N. N. (постоянный оппонентъ Троцкаго на всѣхъ собранияхъ) будетъ тамъ, гдѣ не надо"**).

**) Вносятъ, садя по русскимъ газетамъ за дѣятельность прежнихъ нью-йоркскихъ сподвижниковъ Троцкаго, я, дѣятельно имѣть возможность убѣдиться, что Семковъ всегда былъ "тамъ, гдѣ надо", занимая "тамъ" видное положеніе.

Глава одиннадцатая.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

Мартовские дни 1917 г. — Отъездъ Троцкаго пзъ Америки. — Задержаніе его англійской властью въ Ванкуверѣ.

Въ мартѣ 1917 года пришли первыя вѣсти о русской революції.

Вся Америка, во всѣхъ слояхъ и классахъ, встрѣтила эти извѣстія съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, граничащимъ съ энтузіазмомъ. Американцы устраивали торжественные митинги, на которыхъ произносились восторженныя рѣчи, высказывались лучшія пожеланія и посылались привѣты русскимъ революціонерамъ.

Понятно, что русская колонія первая поспѣшила устроить нѣсколько митинговъ. И Троцкій на всѣхъ, естественно, былъ гвоздемъ собранія. Митингъ, иногда, оттягивался на нѣсколько часовъ, потому что Троцкій, участвовавший одновременно на нѣсколькихъ митингахъ, физически не могъ поспѣть всюду. Но публика терпѣливо ждала его, жаждя услышать слово, бросающее свѣтъ на то грандиозное, что происходило въ Россіи.

Увы! Всякаго, кто не привыкъ довольствоваться одними ораторскими эффектами, кто въ рѣчи по такому поводу ищетъ просвѣщающаго указанія на смысль происходящаго, — первая рѣчь Троцкаго по поводу Русской Революціи не могла не расхолодить.

Ни малѣйшей попытки сдѣлать объективный анализъ причинъ, вызвавшихъ революцію; силь, на которыхъ она можетъ опираться, и возможнаго хода ея. Вместо этого — детальный рецептъ техническаго проведенія революцій, посыпаемый изъ “Бетховенъ Голль” въ Нью-Йоркѣ черезъ океанъ въ Россію, въ ожиданіи, пока Троцкій самъ приѣдетъ и наладить все наилучшимъ образомъ. Этому рецепту предпосыпаются болѣе или менѣе эффектныя выходки противъ лицъ, составляющихъ первое Временное Правительство.

Милюковъ, это тотъ самый, который красное знамя называлъ трицкой. И это все. Счастливъ быль бы тотъ биографъ Милюкова, которому совѣсть позволила бы не вписывать въ его политический пассивъ ничего другого, кромѣ этого оскорблениія краснаго знамени.

Гучковъ, это тотъ самый, который благословилъ Столыпина на свирѣпые военно-полевые суды (увы, представляющіеся теперь россіянамъ, живущимъ подъ благословеніемъ чрезвычаекъ, идеаломъ человѣческаго правосудія).

Керенскій, это только плѣникъ въ станѣ торжествующей буржуазіи, которой онъ нуженъ лишь въ качествѣ заложника противъ пролетаріата, если онъ слишкомъ будетъ зарываться. Не успѣвъ вступить во Временное Правительство, этотъ самый Керенскій занялъ себѣ тѣмъ, что въ качествѣ Министра Юстиціи, арестовалъ царскаго министра Сухомлинова и тѣмъ спасъ его отъ революціоннаго народа, желавшаго расправиться съ нимъ по заслугамъ, и т. д., и т. п., все въ томъ же духѣ.

Какъ я былъ очарованъ подготовленностью, изяществомъ и красотой первой рѣчи Троцкаго въ Америкѣ, такъ я былъ разочарованъ этимъ лубочно-бездорожательнымъ выступленіемъ по поводу Русской Революціи.

Закончилъ онъ эту свою рѣчу такъ: "Я горжусь, что принадлежу къ тому классу, который бросилъ зажженный факель въ пороховые могреба всѣхъ имперіалистическихъ державъ". Какой именно классъ разумѣлъ при этомъ Троцкій — журналистъ, писатель и сынъ богатаго землевладѣльца, онъ слушателямъ такъ и не сообщилъ.

Всѣ послѣдующія многочисленныя рѣчи его были въ томъ же духѣ. Однѣ болѣе, другія менѣе талантливы, но всѣ одинаково политически бездорожательны: не до просвѣщенія русскихъ выходцевъ въ Америкѣ, видно, было ему, — онъ сибирякъ въ Россію творить исторію. Тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ этихъ русскихъ выходцевъ, шествовавшихъ до сихъ поръ рука объ руку съ нимъ по пути непримиримаго "интернационализма", съ наденiemъ царскаго самодержавія, начали быстро отпадать отъ него, такъ какъ всеѣ ихъ "интернационализмъ" и зиждался вѣдь на ненависти къ этому царскому самодержавію.

"Что съ втимъ Троцкимъ? Чего онъ хочетъ?" — говорили они, въ недоумѣніи пожимая плечами.

Наконецъ, съ первой партіей эмигрантовъ Троцкій

отправился въ Ванкуверъ, въ Канадѣ, чтобы оттуда, че-
резъ Тихій океанъ и Японію направиться въ Россію. Мож-
но себѣ представить, какимъ нескончаемымъ должно было
казаться ему это путешествіе. Пока пароходъ долгія не-
дѣли будетъ влечь его по необъятному океану, тамъ вдали,
въ Россіи революція будетъ идти своимъ путемъ, безъ его
руководства, угрожая забрести, чортъ знаетъ куда.

И, о, ужасъ! Въ Ванкуверѣ англійское правительство, совершиенно, очевидно, не считаясь съ великими планами революціи, арестовало его, какъ германского агента. Пароходъ съ другими мелкими сошками, уплылъ дальше, а Троцкій остался. Никакія старанія американскихъ друзей не помогали, пока не вмѣшался (злая иронія судьбы) Милюковъ. И Троцкій послѣ долгаго томительнаго сидѣнія втеченіе нѣсколькихъ недѣль въ Ванкуверѣ, получилъ, наконецъ, возможность двинуться въ дальнѣйшій путь, теперь уже безъ всякихъ задержекъ.

Не трудно понять, сколько злобы противъ англійского правительства прибавилъ въ немъ этотъ эпизодъ.

И кто, — зная эгоцентрическій характеръ Троцкаго, — можетъ съ увѣренностью сказать, что это обстоятельство не сыграло своей роли въ еще большемъ укрѣплении германофильской склонности его.

Глава двадцатая.

ТРОЦКИЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

Юльское восстание и открытый переходъ къ большевикамъ. — Троцкий — предсѣдатель петроградскаго Совѣта. — Подготовка къ восстанию. — Переворотъ. — Троцкій-дипломатъ. — Троцкій военный министръ. — Дѣло Щастнаго. — Троцкій фельдмаршалъ и "революционный" имперіалистъ.

Въ концѣ мая 1917 г. я выѣхалъ въ Россію. Какъ только я прибылъ въ Владивостокъ, первое, что меня поразило, это все усиливающееся торжество максимализма. Онь все болѣе и болѣе опутывалъ революцію по рукамъ и ногамъ и парализовалъ ея активность.

Легкость, съ которой удалось свергнуть царя, вскружила головы не только массамъ, но и некоторымъ лидерамъ, и они думали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вмѣсто того, чтобы активной поддержкой укрѣпить новую власть, они не уставали предъявлять къ этой власти, получившей отъ свергнутаго царскаго правительства пустые сундуки, невыполнимыя требования. Они считали, что могутъ диктовать не только своему правительству, но и правительству Антанты и Германіи съ ея союзниками.

Большевики не преминули воспользоваться этими настроеніями и, не теряя времени, принялись за свою разрушительную работу. Когда я подѣжалъ къ Петрограду (въ Вяткѣ, кажется), я прочелъ въ газетахъ объ юльскомъ восстаніи большевиковъ. Когда я приѣхалъ въ Петроградъ, оно было уже подавлено, но всегда царствовало уныніе; всѣ чувствовали, что революціи настече тяжелый ударъ, отъ котораго она, можетъ быть, не оправится. Большевики струсили и явно опѣшили. Ленинъ скрылся, а оставшіяся мелкія соники всѣ переніменовали себя въ "интернационалистъ" и на перебой умѣряли, что это восстаніе было стихійнымъ актомъ несознательныхъ маесь, не только не руководимыхъ большевиками.

но и не встрѣчавшимъ ихъ сочувствія и осуждаемымъ ими*).

Троцкій въ это время еще не примкнулъ къ большевикамъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Россію, Ленинъ, Мартовъ и другіе лидеры "интернаціоналистическихъ" фракцій давно были тамъ, и всѣ мѣста были заняты. Онъ таскался со своимъ "складнымъ стуломъ" и никакъ не могъ найти мѣста, где можно было бы его прочно поставить и эффектно усѣсться. Онъ пробовалъ было даже издавать свою газету "третьяго" направленія, но изъ этого ничего не вышло.

Онъ, какъ и большевики, откращивался отъ юльского восстанія. Однако онъ былъ скомпрометированъ настолько, что правительство нашло необходимымъ арестовать его. Онъ посыпалъ изъ тюрьмы въ газеты негодующія письма противъ "соціалистического" правительства, позорно и неоправимо запятнавшаго себя, арестовавъ такого соціалиста, какъ Троцкій. Изъ тюрьмы же онъ впервые прислалъ въ газеты заявленіе, что еще до ареста присоединился къ большевикамъ, и, если до сихъ поръ не сотрудничалъ въ ихъ органѣ, то это было исключительно по мотивамъ "личнаго характера".

Скоро Троцкій былъ освобожденъ. Такъ какъ Ленинъ и Зиновьевъ бѣжали, то онъ занялъ вакантное мѣсто и сталъ лидеромъ большевиковъ. Это было въ августѣ. Съ этого момента начинается его возвышеніе.

Въ сентябрѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, на мѣсто Чхеидзе, причемъ всю кампанію въ пользу его избрания вели Павелъ Деконскій, лѣвый с.-р., незадолго до октябрьскаго большевистскаго переворота изображеній въ провокациіи и въ томъ, что онъ служилъ въ царской охранкѣ.

Первымъ дѣломъ новаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Троцкаго было организовать "военно-революціонный комитетъ", послѣ чего большевики начали открыто готовиться къ восстанію.

При такихъ условіяхъ, въ открывшемся 7-го октября Совѣтѣ Российской Республики (предъ-парламентѣ), въ которомъ большевики оказались въ меньшинствѣ, имъ, естественно, нечего было дѣлать.

На первомъ собраниіи Предъпарламента Троцкій, въ

*) Послѣ усپѣшнаго октябрьскаго переворота большевики признали, что юльское восстаніе было дѣломъ ихъ рукъ.

качество́в лидера фракциí большевиковъ, выступилъ съ декларацией, въ которой мотивировалъ ея уходъ. Оно клеймилъ Временное Правительство, называя его правительстvомъ "народной измѣны". Оно бросалъ ему обвинение въ томъ, что оно

"открыто держитъ курсъ на конституционную руку гла да, которая должна задушить революцию и, въ первую очередь, Учредительное Собрание... Революция въ опасности. Въ то время, какъ войска Вильгельма угрожаютъ Петрограду, правительство Керенского и Коновалова готовится бѣжать изъ Петрограда, чтобы превратить Москву въ охоту контръ-революціи... Только самъ народъ можетъ спасти себя и страну. Мы обращаемся къ народу: Да здравствуетъ немедленный честный демократический миръ! Вся власть Советамъ, вся земля народу! Да здравствуетъ Учредительное Собрание!" (Стенографический отчетъ за сѣансъ предпарламента. "Рѣчь", 8-го октября 1917 г.).

Въ это время я былъ на югѣ. Въ концѣ октября, по личнымъ дѣламъ, я опять приѣхалъ въ Петроградъ. Не доѣзжая до Бологого (около сутокъѣзды отъ Петрограда), я прочелъ въ газетахъ о совершившемся большевиками переворотѣ. Въ поѣздѣ произошла паника. Почти всѣ пассажиры въ страхѣ высадились въ Бологомъ, и я былъ однимъ изъ немногихъ, рѣшившихся доѣхать до Петрограда. Всюду на углахъ были расклеены огромные плакаты съ лозунгами, воспѣвшими цѣли переворота: немедленный демократический миръ. Безотложный созывъ Учредительнаго Собрания. Отмѣна смертной казни* и т. д.

Троцкій быстро сталъ входить во вкусъ безоткѣстvennаго властителя. Уже 29-го октября на засѣданіи петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ онъ показалъ, какъ онъ понимаетъ отмѣну смертной казни, объявивъ врагамъ большевиковъ "безопасную месть" и "безопасный разстрѣлъ". Слово "безопасный" отныне стало однимъ изъ наиболѣе налюбленныхъ въ его лексиконѣ.

Въ новомъ правительстве на долю Троцкаго, какъ комиссара по иностраннѣмъ дѣламъ, вышло осуществление "немедленного честного демократического мира", который, — согласно тому, что большевики не уставали до

*.) Правительствомъ Керенского незадолго передъ тѣмъ была введена смертная казнь за измѣну на фронтѣ.

переворота долбить, — полагалось заключить непосредственно съ народами воюющихъ странъ, “черезъ головы ихъ империалистическихъ правительствъ”, потому что мирные переговоры съ этими правительствами, если вѣрить Ленину, уже являются совершенно недопустимымъ “соглашательствомъ”.

Однако, какъ только, очутившись у власти, большевики стали лицомъ къ лицу съ необходимостью дѣлать реальную политику, они на первыхъ же шагахъ, вынуждены были съ облаковъ безотвѣтственной митинговой декламациі спуститься въ болото преступнаго “соглашательства”.

Уже въ первый день упоенія достигнутой властью Ленинъ окатилъ своихъ приверженцевъ ушатомъ холодной воды, заявивъ, что нечего ожидать скораго заключенія демократического мира, чѣмъ вызывалъ ропотъ среди солдатъ, для которыхъ такой поворотъ былъ совершенной неожиданностью.

Въ изданномъ въ первый же день переворота “декретѣ о мирѣ” новоѣ правительство обращается не прямо къ народамъ воюющихъ странъ, а “къ правительствамъ и народамъ”.

Въ то же время по армії Ленинъ разсылается воззваніе, увѣщающее солдатъ не дать “контрь-революціоннымъ генераламъ сорвать великое дѣло мира” и предлагаются имъ самостоятельно выбирать “тотчасъ-же уполномоченныхъ для формального вступленія въ переговоры съ непріятелемъ. Совѣтъ Народныхъ Коміссаровъ даетъ вамъ право на это”.

Однако, то ли правительства воюющихъ державъ не передали своимъ народамъ большевистскаго “декрета о мирѣ”, по другой ли причинѣ, но пароды эти убийственно безмолвствовали.

Что же касается правительствъ, то Антанта совершенно недвусмысльно дала понять, что на сепаратный миръ Россіи съ Германіей она смотрѣть, какъ на измѣну союзникамъ, и всякия попытки большевиковъ въ этомъ направлениі встрѣтять съ ея стороны должное возмездіе.

Германское же правительство молчало и совсѣмъ, повидимому, не торопилось откликнуться. Оно выжидало того неизбѣжнаго момента, когда, въ результатѣ вышеуказанного возванія Ленина, русская армія станетъ совершенно небоеспособной.

Когда же ясно стало, что Россію уже можно брать го-

лыми руками, германское правительство изъявило согласие на переговоры о перемирии.

Троцкий, смущенный было неожиданным для него результатом, или, скорее, безрезультатностью его дипломатического искусства, воспринял:

“Если германский император вынужденъ принимать представителей пранорица Крыленко и вступить съ ними въ переговоры, то это значитъ, что крѣпко русская революція настунила своимъ саногомъ на грудь всѣхъ имущихъ классовъ Европы”.

Забывъ о томъ, что миръ предполагалось заключить “черезъ головы буржуазныхъ правительствъ”, Троцкий захлебывается отъ счастья, что “германскій кайзеръ съ нами заговорилъ, какъ равный съ равными” (“Правда”, 21-го ноября 1917 г.).

Все шло, какъ по маслу:

“Германія и Австрія согласны на веденіе переговоровъ о перемирии на основѣ союзной формулы”.

Восхищеннымъ взорамъ Троцкаго уже рисовалась упоительная картина, какъ “сидя съ ними (съ правительствами Германіи и Австріи) за однимъ столомъ, мы будемъ ставить имъ категорические вопросы, не допуская никакихъ увротокъ... Подъ вліяніемъ наизонъ германское и австрійское правительства уже согласились сѣть на скамью подсудимыхъ! будьте увѣрены, товарищи, что прокуроръ, въ лицѣ русской революціонной delegacii, окажется на своемъ мѣстѣ” (“Правда”, 19 ноября 1917 г.).

Какъ только большевистские делегаты, снявъ съ глазъ наложенные на нихъ иѣмцами повязки, подошли къ тому столу, за которымъ сидѣли опытные германские дипломаты, генераль Гофманъ грознымъ солдатскимъ окрикомъ сразу вывелъ ихъ изъ состоянія сладостнаго гипноза, навѣяннаго на нихъ красивыми рѣчами Троцкаго, и дать имъ совершиенно недвусмысленно понять, что они не равные, а побѣжденные, и должны беспрекословно и безъ митинговыхъ разлагольствованій принять предписывающая имъ имъ условія мира.

А условія эти были такъ тяжки и такъ безмѣрио унизительны, что даже большевистская delegacii не рѣшилась подписать ихъ. Но что было теперь дѣлать? Думать о сопротивлѣніи было уже поздно: приказами и воззваніями о повиновеніи и поротномъ перемирии армія была окончательно разложена.

Троцкий, однако, не унывалъ и предложилъ, по его

словамъ, “небывалый еще въ міровой исторіи исходъ: “Мы выходимъ изъ войны, но вынуждены отказаться отъ подписанія мирного договора”. Большевистское правительство “не желаетъ воевать съ народомъ Германіи... и вкладываетъ свое оружіе въ ножны”... “Россійскимъ войскамъ отдается приказъ о полной демобилизациі по всѣмъ линіямъ фронта”... “Защита его ввѣряется германскимъ рабочимъ”.

Небывалый въ міровой исторіи жестъ былъ сдѣланъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ гибель миллионовъ людей, цѣлой страны, разъ жестъ красивъ?

Но прозаически безпощадные нѣмцы не дали ему даже эффеќтно закончить этотъ жестъ: перемиріе кончилось, — заявили они, — и, разъ миръ не заключенъ, нѣмецкія войска продолжаютъ наступленіе. Нѣмцы берутъ городъ за городомъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Большевистские комиссары, поручивъ защиту русскаго “социалистического отечества” нѣмецкимъ рабочимъ (одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры), первые показываютъ пятки.

Пришлося, не закончивъ жеста, вернуться. Троцкій, не читая (опять эффеќтный жестъ!), подписываетъ условія мира, еще гораздо болѣе тяжкія и унизительныя, чѣмъ первыя.

Дипломатическая карьера Троцкаго закончилась. Короткое время онъ былъ еще продовольственнымъ диктаторомъ, успѣль объявить “безпощадную” войну мѣшечникамъ и скоро сдѣлался военнымъ министромъ.

Одновременно съ принятиемъ условій “архитакжаго мира” (слова Ленина) большевики лихорадочно берутся за организацію “Красной Социалистической Арміи”. Сначала она носить характеръ добровольческой, и на службу принимаются со строгимъ разборомъ. Впослѣдствіи, съ расширеніемъ военныхъ операций, она превращается въ обычную буржуазную армію съ мобилизаціей всего способнаго къ пощенію оружія населенія и съ суровыми карами для всѣхъ, уклоняющихся отъ военныхъ обязанностей, къ какому бы классу они не принадлежали.

Съ назначеніемъ Троцкаго военнымъ министромъ это превращеніе идетъ ускореннымъ темпомъ. Выборы офицеровъ, всякие митинги солдатъ и “повзводныя” обсужденія боевыхъ операций и дѣйствий начальства (не говоря уже о “братаані” и пр.), при помощи которыхъ большевики такъ успѣшно разрушали армію Временного Правительства, — все это теперь строго преслѣдуется. Вво-

дится самая суровая дисциплина. Къ неудачнымъ командромъ приставляются политическіе комиссары, зорко слѣдящіе за каждымъ ихъ шагомъ*). Семи находившихся на фронте офицеровъ держатся въ качествѣ заложниковъ и подвергаются суровымъ кармъ, если привинчившійся офицеръ оказывается виновъ противъ та-
гаемости.

Керенскій, выведший смертную казнь за измѣну на фронты, не подписалъ ни одного смертного приговора. Троцкій, отмѣнившій смертную казнь, въ примѣрѣй "без-
пощаднаго разстрѣла" проявилъ нечестность, прямо на-
тологическую. Къ разстрѣлу онъ прибегаетъ не только
за измѣну "соціалистическому отечеству", но и изъ лич-
ной мести.

Въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ мрачныхъ стры-
ницъ его карьеры составляетъ дѣло капитана Щастнаго, который былъ казненъ въ личную угоду Троцкому тогда,
когда отмѣненная большевиками смертная казнь еще не
была восстановлена.

Капитанъ Щастный былъ назначенъ большевиками
начальникомъ морскихъ силъ Балтийского моря. Онъ
сиаѣ отъ нѣмцевъ балтийскій флотъ, находившійся въ Гельсингфорсѣ, съ болѣшимъ трудомъ проведя его черезъ
льды до Кронштадта и устья Невы. Онъ пользовался боль-
шой популярностью среди матросовъ, и въ виду своихъ
крупныхъ заслугъ передъ большевистскимъ правитель-
ствомъ, держалъ себя болѣе независимо, чѣмъ это могъ
теригть Троцкій; и его необходимо было устранить. Ни-
какого опредѣленіаго обвиненія обвинителю не удалось
формулировать. Ни одного свидѣтеля защиты не было на
судѣ, и письменныя показанія неявившихся свидѣтелей
(большевистскихъ же комиссаровъ) не были допущены къ
прочтению. Единственнымъ свидѣтелемъ былъ "свидѣ-
тель" обвиненія Троцкій, который принашесъ такую рѣчь,
что обвинителю Крыленко ничего не оставалось дѣлать.

"Я считаю, что передъ вами — опасный государ-
ственный преступникъ, который долженъ быть наказанъ
безпощадно", заявилъ Троцкій. И семь покорныхъ "су-
дей" исполнили приказъ. Видные большевики, въ кото-
рыхъ еще сохранилась человѣческая искра, были чрезвы-

*) Еще до захвата власти Троцкій говорилъ: "Мы приставимъ
револьверъ къ виску царскихъ генераловъ и заставимъ ихъ служить
революції".

чайно взволнованы өтимъ политическимъ убийствомъ. Приговоръ произвель удручающее впечатлѣніе въ лѣвыхъ партийныхъ кругахъ и въ матросскихъ массахъ.

Взявъ въ свои руки руководство военными дѣлами, Троцкій, наконецъ, нашупалъ свою настоящую профессію, въ которой всѣ его таланты и способности могли проявиться и развернуться во всю ширь: неумолимая "логика" (принявшая форму военной дисциплины), желѣзная решительность и непреклонная воля, не останавливающаяся ни передъ какими сентиментальными соображеніями гуманности; ненасытное честолюбіе и безмѣрная самоувѣренность, специфическое ораторское искусство, и пр. и пр.

Организація побѣдъ "соціалистического отечества" скоро цѣликомъ перешла въ его руки. Онъ сталъ самой популярной фигурой въ глазахъ всѣхъ, кто въ торжествѣ большевистского коммунизма видѣлъ начало новой эры всеобщаго счастья.

Троцкій сталъ большевистскимъ фельдмаршаломъ, обнаружившимъ необыкновенныя стратегическія дарованія, если вѣрить отзывамъ знатоковъ военного дѣла даже изъ лагеря противниковъ.

Въ своемъ специальному поѣздѣ, обставленномъ съ невѣроятной роскошью и удобствами*), онъ мчится съ одного конца Россіи въ другой, смотря по тому, гдѣ положеніе настолько критическое, что требуется его личное немедленное присутствіе. И горе тому, кто окажется виновникомъ малѣйшей задержки въ пути.

Его манеры, выступленія и пріемы дѣйствія стали предметомъ подражанія даже со стороны генераловъ изъ арміи Деникина и Врангеля.

Въ первой главѣ мною было указано, что индивидуальность Троцкаго надо искать въ его волѣ. Такъ какъ теперь вся воля его находитъ свое проявленіе въ военномъ дѣлѣ, то, естественно, что "революція" въ этотъ періодъ сводится для него къ организаціи побѣдъ, которая становится самоцѣлью, независимо отъ того, къ чему она ведетъ.

Когда нѣть внутреннихъ враговъ, онъ дѣлаетъ диверсію на враговъ виѣшнихъ. Онъ простираетъ свои руки на соціалистическую Грузію, на Арmenію, залѣзаетъ въ Персію, мечтає чуть ли не о завоеваніи всего міра. Для

*) Тамъ имѣется даже хорошо оборудованная типографія, всегда готовая въ пути къ его услугамъ.

этого надо всю Россію превратить въ одинъ единый военный лагерь. Онь милитаризуетъ желѣзныя дороги; и, при помощи милитаризации труда во всей промышленности и земледѣліи, онь мечтаетъ превратить всю Россію въ одно обширное аракчеевское военное посланіе со строгимъ военнымъ режимомъ, гдѣ всѣ по сигналу встаютъ, по сигналуѣѣдятъ, по сигналу идутъ на работу, по сигналу ложатся, по сигналу выходятъ изъ парады для знатныхъ иностранцевъ и по сигналу славятъ свое имѣльное правительство.

Когда такое счастье окончательно стало не въ мороту изголодавшемуся русскому народу, и когда "брайт и гордость русской революціи"^{**}), крошилакіе матросы стали во главѣ воастнія противъ деспотизма коммунистовъ во имя возстановленія сокѣтской власти. Троцкій былъ избранъ диктаторомъ съ неограниченными полномочіями для подавленія "бунта" въриондтаниыхъ. При помощи китайскихъ и другихъ иноzemныхъ войскъ^{***}) онь потопилъ восстание въ морѣ крови.

*) Такъ съ гордостью наставъ матросовъ Троцкій въ юлѣ 1917 г.

**) Красноармейцы, по таєртнымъ донесеніямъ большевиковъ, оказались ненадежными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таковъ удивительный путь, пройденный Бронштейномъ. Юноша, самоотверженно и безстрашно отдающій весь богатый и неистощимый запасъ силы, энергіи и таланта, которыми природа такъ щедро одарила его, на борьбу съ царскимъ деспотизмомъ, подъ скромнымъ именемъ Львова, мечтающій стать русскимъ Лассалемъ, — достигнувъ зрѣлости, превращается въ свирѣпаго диктатора, безжалостно заковывающаго въ цѣпи самаго тяжелаго рабства населеніе своей родины, готоваго, не моргнувъ глазомъ, погубить миллионы людей и даже цѣлую страну, ради исключительной цѣли сохраненія во что бы то ни стало власти въ рукахъ кучки беззастѣничныхъ авантюристовъ*) и гордо позириующаго въ роли всемірнаго жандарма, “крѣпко наступившаго сапогомъ на грудь” угнетенныхъ народовъ.

Въ оправданіе Троцкаго и къ стыду человѣчества надо однако признать, что внушающія въ каждомъ морально здоровомъ человѣкѣ отвращеніе качества Троцкаго ни въ какомъ случаѣ нельзя считать явленіемъ хоть сколько-нибудь исключительнымъ въ теперешней Россіи. Если-бы это было такъ, Троцкій не занялъ бы того положенія, которое онъ занимаетъ. Онъ никоимъ образомъ не сталъ бы героемъ нашего времени въ Россіи, если бы отрицательные качества, выдвинувшія его впередъ, были исключительными свойствомъ его психики. Эта особенность его психики заключается не въ томъ, что онъ болѣе жестокъ, чѣмъ другіе жестокіе насильники и изувѣры, — какъ большевистскіе, такъ и не большевистскіе, — а въ томъ, что весь психический комплексъ, относящейся къ области симпатическихъ переживаний, ему совершенно чуждъ. Какъ

*) Одно время, когда положеніе большевиковъ было очень шатко, Троцкій заявилъ: “Мы, можетъ быть, уйдемъ, но тогда мы такъ хлопнемъ дверью, что міръ содрогнется”.

чуждо слѣпому все, что относится къ области зрительныхъ впечатлѣй.

Въ психикѣ Троцкаго пять элементовъ, соответствующихъ понятіямъ жестокости и человѣчности; на ихъ мѣстѣ — пробѣль. Чувство симпатіи къ людямъ, не какъ къ средству собственаго удовлетворенія, а какъ къ носителемъ самостоятельныхъ чувствъ, стремленій, желаній, у него совершенно отсутствуетъ. Люди для него, это — лишь единицы, сотни, тысячи, сотни тысячъ единицъ, при помощи которыхъ можно дать наибольшее питаніе своему *Wille zur Macht*. А какъ это осуществляется: путемъ ли доставленій этимъ "*Vielen, allzovielen*" условій рабскаго житія или путемъ безжалостнаго ихъ избіенія и истребленій, это — совершенно несущественная подробность и ликтуется не симпатіями или антипатіями, а стечениемъ всѣхъ обстоятельствъ въ данный моментъ.

Троцкій нравственное слѣпь. Это у него природный, такъ сказать, физиологический дефектъ; то, что по-англійски называется *mental insanity* — нравственное помѣшательство. Психическій органъ симпатіи атрофировался у него въ утробѣ матери, какъ атрофируются тамъ физические органы, вслѣдствіе особыхъ ненормальныхъ условій внутриутробного положенія. До того, какъ Троцкій занялъ свое теперешнее положеніе, это уродство не замѣчалось, какъ мы долго не замѣчаемъ природной слѣпоты у младенца или паралича у ребенка, которому, по возрасту, еще не полагается ходить.

Каковы же тѣ условія, которые способствовали проявленію и вызвали широкій спросъ на психическая качества, составляющіе основу сущность индивидуальности Троцкаго? Едва успѣвши выйти изъ крѣпостного состоянія, Россія, съ ея неизжественнѣмъ и неизвѣданнымъ къ самодѣятельности населеніемъ, вслѣдствіе безумной политики Романовыхъ, до войны была уже на краю соціально-экономического и политического краха. Война явилась лишь послѣднимъ толчкомъ. Вся предыдущая исторія Россіи привела къ тому, что она оказалась совершенно не-подготовленной къ тому, чтобы выдержать выдавашную войною гигантскую встряску всѣхъ основъ. И она, естественно, неожиданно поддалась и быстро стала распадаться. Давно прогнившій соціальный скрупъ отвалились. Революція была поставлена исторіей на очередь дня. Паденіе дисциплины и новинорейки старымъ, сдерживающимъ политическимъ, соціальнымъ и моральнымъ нормамъ сдѣлали

еє неизбіжної. Но начало воиною разрушение старыхъ основъ материального существованія не могло быть остановлено революцієй. Война, давшая импульсъ революції, менѣе всего могла способствовать накопленію необходимыхъ для нового строительства и безъ того скучныхъ творческихъ силъ, какъ материальныихъ, такъ и духовныхъ. Такимъ образомъ открылась эпоха затяжного разрушения безъ соответствующаго положительного строительства.

И, какъ въ эпоху общественного подъема выступаютъ наружу, кто ихъ знаетъ откуда берущіеся симпатические общественные инстинкты, такъ въ періодъ упадка, разложения выступаютъ наружу, какъ грибы послѣ дождя, низменные общественные (или лучше, антиобщественные) инстинкты.

И тѣ и другіе инстинкты заложены во всѣхъ людяхъ, въ однихъ въ одной пропорції, въ другихъ въ другой. Беззаботная, забывающая себя любовь къ ближнимъ и животный эгоизмъ, попирающій все и всѣхъ ради узкихъ интересовъ своего собственнаго тѣла; героическая преданность далекому общему дѣлу и безшабашная эксплуатациѣ общества въ исключительныхъ интересахъ своей собственной личности; революціонный энтузіазмъ и контрь-революціонное изувѣрство, словомъ, докторъ Джекилъ и мистеръ Хайдъ живутъ рядомъ въ одной и той же душѣ. Въ самоотверженыхъ революціонныхъ дѣйствіяхъ принимаютъ участіе тѣ же массы, которыя раньше активно выступали въ еврейскихъ и другихъ погромахъ. Эти же самыя массы принимаютъ потомъ участіе въ контрь-революціонныхъ (большевистскихъ и не-большевистскихъ) экспесахъ и звѣрствахъ. Вчерашніе безкорыстнѣшіе общественные дѣятели сегодня выступаютъ, какъ беззастѣнчивые циничные спекулянты и т. д. и т. д.

Революція всipyхнула въ Россіи послѣ того, какъ подорванные материальные ресурсы были окончательно разрушены трехлѣтней войной; послѣ того, какъ длительная антиобщественная практика, неизбѣжно связанныя съ воиною, успѣла уже вызвать атрофію особенно нужныхъ теперь симпатическихъ общественныхъ инстинктовъ и расчистила почву для развитія заложенныхъ во всѣхъ, и до времени находившихся подъ спудомъ, инстинктовъ антиобщественныхъ, эгоистическихъ.

Естественно, что во главѣ возникшаго при такихъ условіяхъ общественного движенія скоро стали люди, быстрѣ и основательнѣе другихъ освободившіеся отъ сдер-

живающаго вліянія разрушеныхъ политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ нормъ. Но, чѣмъ болѣе человѣкъ былъ свободенъ отъ этихъ нормъ раньше, тѣмъ съ большей быструотой и основательностью онъ освобождается отъ этихъ пренятствующихъ "свободному" проявленію личности "устарѣлыхъ" нынѣ теперь. И потому понятно, что на авансцену общественнаго дѣйствія выступаютъ тѣ, у которыхъ эти нормативные "предразсудки", — "мелко-буржуазные", или какъ они тамъ еще иначе называются, — сохранились изъ минимальныхъ разамбрахъ, или, еще болѣе, тѣ, которые и раньше были свободны отъ нихъ. Убийцы, грабители, спекулянты, предатели, шпионы, шулера, торговцы живымъ товаромъ, сутенеры, садисты, филантропы и т. д., и т. д., — всѣ эти идиоты, лишенные задерживающихъ центровъ, неизѣбжно становятся во главѣ общества и ревниво гонятъ подъ видомъ "интеллигентовъ", всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь сохранилъ въ себѣ общественную совѣсть и въ комъ не совсѣмъ искоренена склонность ко всяческому роду нечестивищамъ "предразсудкамъ".

Вызванное разрушениемъ производительныхъ основъ страны господство этихъ паразитическихъ непроизводительныхъ идиотовъ, окрашенное въ цветъ чайной трудящихся класса и есть большевизмъ.

Пока "интеллигенты", т. е. люди, въ которыхъ еще не прекратили своего дѣйствія нормативные задерживающіе аппараты: чувство отвѣтственности передъ закономъ (все равно, старымъ или новымъ), передъ нравственными предписаниями, и пр., — пока эти "интеллигенты", подъ вѣяніемъ неискоренимаго уваженія къ чужой личности и ея благополучію, колеблются, взвѣшиваютъ и не дерзаютъ на рѣшительныя дѣйствія, — люди, отъ природы свободные отъ всѣхъ этихъ нормативныхъ задержекъ, естественно становятся во главѣ общественнаго дѣйствія. А талантливѣйший и честолюбивѣйший изъ нихъ Троцкій, по необходимости, тѣлится общественнымъ кумиромъ и изрѣдка грозомъ.

Поэтому понятно, что, хотя въ исторію большевизма, по справедливости, войдетъ съ именемъ Ленина, какъ отца и пророка его, для широкой массы современниковъ тօ роже сгрупующій большевизмъ (и покуда онъ торжествуетъ) естественно связывается съ именемъ Троцкаго. Ленинъ олицетворяетъ собою теорію, идею большевизма (даже большевизмъ имѣть свою идею), Троцкій — его практику.

Для исторіи, интересующейся сущностью историческихъ явлений, сокровенными пружинами общественныхъ движений, выступить на первый планъ Ленинъ. Эта исторія пройдетъ мимо Троцкаго, какъ несущественнаго, хотя эффектнаго эпизода.

Съ другой стороны, историкъ-бытописатель, который когда-либо пожелаетъ воспроизвести переживаемую теперь въ Россіи эпоху, въ драматическомъ дѣйствіи дать цѣльную, живую, дѣйственную картину ея, — такой историкъ пройдетъ мимо Ленина, тогда какъ Троцкій для него явится незамѣнимой моделью, какъ яркий выразитель эпохи большевистского разложения страны.

Современники, поскольку они являются участниками и объектами большевистскихъ экспериментовъ, относятся къ Ленину и Троцкому такъ же, какъ указанный историкъ-бытописатель: Ленина абстрактно уважаютъ и почитаютъ одни, передъ нимъ питаютъ благоговѣйный ужасъ другіе Троцкаго одни любятъ до самозабвенія, какъ вождя и бойца, другіе ненавидятъ, какъ кровожаднаго изверга. Для тѣхъ и другихъ онъ — герой нашего времени.

BINDING SECT. MAR 12 1982

DK Ziv, G. A.
254 Trotzki.
T6Z5

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39.10 03 06 08 012 1